

ОГЛАВЛЕНИЕ

III выпуска, IV тома 1928 года.

	Стр.
Доц. Д-р Г. В. Сегалин. К патогенезу ленинградских ученых и деятелей искусств	3
Проф. Руднев. Психологический анализ «Призраков» Тургенева	23
Доц. Д-р Г. В. Сегалин. Кривая одаренности по Гальтону и европатология	35
Д-р Я. В. Минц. Александр Блок. Патографический очерк	45
Д-р Г. И. Плессо. Депрессия Тургенева в свете психоанализа	55
Д-р И. Б. Галант. Август Форель (к 80-летнему юбилею)	67
Доц. Д-р Г. В. Сегалин. Август Форель как европатолог	76
Некролог: Д-р В. С. Гриневиц +	79

На 1929 год

ПРЕДЛАГАЕТСЯ

На 1929 год

подписка на

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ ГЕНИДЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ

В

И

номерами 25, 26 и 27 года

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год 5 руб., на 1/2 года 3 рубля

Подписка и склад издания: «Практическая Медицина»,
Ленинград, улица Лассаля, № 2

Все справки у редактора д-ра Г. В. СЕГАЛИНА,
Свердловск (быв. Екатеринбург), улица Вайнера, № 46

~~127~~
~~14~~
КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

XX 452 (ЭВРОПАТОЛОГИИ)
XX 12

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ,
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА.

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Том IV. 1928 г.

К патогенезу ленинградских ученых и деятелей искусств.

Д-ра Г. В. Сегалина.

При изучении европатологии научного творчества, в первую очередь возникает вопрос: имеются ли какие-нибудь объективные биологические признаки в генезисе той массы людей, которые квалифицируются и регистрируются нашими органами Цекубу как ученые той или иной квалификации.

Квалификация эта определяется, как известно, соответствующими комиссиями по степени проявленной продуктивности данного ученого и по степени заслуженности.

Конечно оценка эта во многих случаях бесспорна, но во многих других случаях вызывает большие затруднения, так как трудно освободиться от известной субъективности при такой оценке.

Европатология, которая стремится построить в будущем объективную симптоматологию одаренности, пока, в настоящее время, еще не в состоянии дать такую симптоматологию, чтобы можно было эти данные применять практически для выше поставленной цели.

Изучая некоторые закономерности в биологии и клинике великих и замечательных людей, этим самым европатология только подготавливает мало-по-малу материалы для будущей реализации выше поставленной цели.

Основная идея, выдвинутая европатологией, это—идея закономерности патогенеза одаренности или, вернее, патогенеза тех людей, которые являются носителями *активной* одаренности.

О закономерности этого патогенеза в массах литературно-художественной одаренности, мы уже неоднократно указывали.

Можем ли мы говорить о патогенезе тех людей, которые квалифицируются как ученые? Имеется ли в патогенезе ученых та же самая закономерность, которая была отмечена нами в отношении литературно-художественной одаренности? Вот вопросы, которые мы здесь должны осветить.

Изучение некоторых материалов, о которых будет речь дальше, дает нам возможность пролить свет на этот вопрос.

Надлшше здесь указывать на важность этого вопроса. Если бы мы сумели установить факт патогенеза как законо-

мерное явление в естественном подборе людей научного творчества, это дало бы нам право сделать пересмотр некоторых наших понятий.

Для наших исследований по этому вопросу мы пользуемся материалами, опубликованными проф. Ю. А. Филипченко в «Известиях бюро по евгенике» № 1, № 2, изданных в Ленинграде в 1922 и 1924 году.

Проф. Ю. А. Филипченко, в период с 1920 года по 1921 год, производил анкетное обследование наследственности среди ученых Ленинграда, объединенных Домом Ученых; такое же обследование было им произведено среди представителей искусств Ленинграда (объединенных Домом Искусств) и среди студентов ленинградских вузов. Результаты этих обследований проф. Филипченко опубликованы в следующих 4-х работах, напечатанных в вышеупомянутых «Известиях бюро по евгенике» № 1 и № 2.

1. Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга.

2. Наши выдающиеся ученые.

3. Результаты обследования ленинградских представителей искусства.

4. Некоторые результаты анкеты наследственности среди ленинградских студентов. Материалами этих 4-х работ мы и пользуемся для нашей задачи.

Правда, имеющиеся материалы в этих статьях далеко недостаточные для наших целей (ибо автор обследования ставил себе другие цели), однако, те данные, которые имеются в них, сами напрашиваются на эвропатологическую оценку и дают возможность построить картину эвропатологического Status'a среди ленинградских ученых и интеллигенции.

Как видно из этих материалов, в круг обследования автора, объектом обследования входили следующие 4 группы ленинградской умственной интеллигенции.

1-я группа: выдающиеся ученые Ленинграда.

2-я группа: рядовые ученые.

3-я группа: студенты ленинградских ВУЗ'ов.

4-я группа: представители искусств Ленинграда.

Если первые две группы являются представителями научной одаренности, выжившие себя как рядовые ученые и как ученые высшего ранга, то 3-я группа представляет ту часть интеллектуальных работников, которых мы можем считать как группу начинающих. Считаю, что в настоящее время эти студенты уже образование свое закончили (обследование производилось в 1921-22 и 1922-23 году) и работают уже в рядах интеллектуальных профессий—инженерами, врачами, педагогами и проч. Кроме того, по социальному составу эти студенты, как видно из таблицы I (стр. 30 «Известия бюро по евгенике № 2») происходят на 71,6% из интеллигенции и работников умственного труда, и только 28,4% из ремесленников, крестьян и рабочих.

Таким образом, всю эту третью группу можно по времени обследования считать как группу рядовой интеллигенции.

Все эти группы, следовательно, являются представителями 3-х различных ступеней одаренности для данного исследуемого (1921 г.—по 1922 год) времени—от рядового интеллигента до высшей квалификации ученого. Следовательно, должны нам отразить европатологическую картину этих 3-х градаций интеллектуальной одаренности *resp.* талантливости.

Для нашей цели здесь эти три группы интересуют нас в первую очередь. Что касается 4-й группы (деятели искусства), то, представляя из себя квалификацию одаренности совершенно другого характера, она войдет в круг нашего рассмотрения лишь постольку, поскольку это необходимо будет для сравнения.

Перейдем теперь к европатологическому анализу этих групп по этим материалам.

Объясним здесь сначала, что мы подразумеваем под понятием «европатологический анализ».

Европатология учит нас: там, где есть феномен того или иного типа одаренности, там обязательно должен быть феномен той или иной патологии, сопровождающей эту одаренность. Симбиоз этих 2-х явлений рассматривается как закономерное явление, причем особенно выпукло эта закономерность выражена в генезе великих и замечательных людей. Здесь наряду с наследственной одаренностью всегда отмечается—как закономерное явление—наследственная отягченность (в той или иной форме) (см. «Кл. арх. ген. и одарен.» вып. 1 й и 2-й, том I).

Наличие «пато» в наследственности этих людей как что-то закономерное—даст нам основание говорить о патогенезе этих людей.

Анализировать какой-нибудь феномен одаренности с точки зрения такой закономерности (а в данном случае с точки зрения закономерности патогенеза) значит произвести европатологический анализ.

Автор анкетного обследования этих 4-х групп, понятно, не задавался никакими европатологическими целями при этом обследовании, тем более для нас представляет интерес освещение вопросов: имеется ли здесь та же закономерность патогенеза, имеется ли здесь так же тот симбиоз симптомов отягченности с симптомами одаренности, о котором была речь выше?

Между прочими материалами обще-анкетного обследования (как-то: происхождение, национальность, профессия, возраст и проч. и проч.) имеются также у автора материалы о заболеваниях туберкулезом, заболеваниях рака, душевными болезнями и алкоголизмом (в материалах обследования ученых и студентов). В анкетах же для выдающихся ученых были поставлены те же вопросы несколько иначе. Здесь имеются вопросы о наличии выдающихся родственников с одной стороны, а дефективных—с другой. В ответах на последний вопрос мы

имеем данные о душевных заболеваниях, алкоголизме и о дефективных родственниках, «ниже среднего уровня.» Повидимому, в эту группу включены дефективные с интеллектуальным состоянием ниже среднего уровня, т.-е. слабоумные, имбецильные, т.-е. также относящиеся к душевно ненормальным родственникам. О дефективных родственниках имеется также в материалах обследования деятелей искусств.

Эти то данные о душевных болезнях, алкоголизме и дефективности во всех 4-х группах мы и осветим с эвропатологической точки зрения.

Но предварительно познакомим с выводами автора обследования относительно этих данных.

При исследовании данных относительно распространения заболеваний (душевных болезней и прочих) в семьях родителей студентов, автор обследования приходит к следующим заключениям.

«... Если же сравнить распространение этих трех болезней (душевные болезни, рак, туберкулез) в семьях, из которых произошли студенты, и в семьях ученых и их супругов, то нам бросается в глаза неожиданный факт, именно, что среди ученых они встречаются раза в два чаще—примерно, настолько, насколько и, так называемые специальные способности.»

«Это сопоставление в наших глазах является отнюдь не случайным, а вполне гармонирующим с нашими другими данными. Напомним, что у выдающихся ученых и деятелей искусства мы могли констатировать сравнительно большое количество выдающихся родственников, с одной стороны, но в то же время и заметно большее, чем у рядовых ученых, душевнобольных, с другой» (стр. 44 и 45 «Изв. бюро по евгенике» № 2).

Таким образом, здесь констатируется такое положение: чем выше одаренность у данной группы, тем более увеличивается число душевных болезней в семьях данной группы. Причем в % автор дает такую картину последовательного увеличения отягченности.

«Если мы видим, что в общей, не особенно сильно одаренной популяции отцов студентов душевные болезни встречаются в 7½% семей, в общей популяции ученых—в 12% семей, среди художников у 24%, а у выдающихся ученых даже в 34% (т.-е. почти в 3 раза больше заурядных ученых), то (приходит автор к заключению) не лучше ли подождать с пропагандой идеи стерелизации всех наследственно дефективных, чтоб проповедуемое ее сторонниками «оздоровление рас не было бы куплено слишком дорогой ценой» (там же стр. 47).

Да, несомненно, скажем и мы: «не лучше ли подождать»... ибо эти данные убеждают нас (говорит далее автор), что между смешанным происхождением, с одной стороны, и большим обладанием специальными способностями, а также известными болезнями (особенно душевными) с другой, имеется какая-то связь, т.-е. определенная положительная корреляция.

В чем тут дело, сказать довольно трудно, но самый факт остается, конечно, фактом. Быть может, это можно объяснить рецессивным характером соответствующих задатков как в сторону плюс, так и в сторону минус, но на этом мы остановимся в другом месте.

Как бы то ни было, повидимому, наиболее типичные представители нашей интеллигенции (ученые и художники) и семьи, из которых они произошли, отличаются от общей массы населения не только своей высокой одаренностью, но и более сильным распространением некоторых болезней, быть может, наследственного характера (стр. 45 там же).

Все эти выводы автора, который делал эти обследования с другой целью (евгеникой), во всяком случае не с европатологической сами напрашиваются на такой анализ.

Нечего и говорить, что для европатолога эти выводы не являются такими, чтоб им поражаться. Для него они являются закономерными.

Вопрос тут только в том, чтоб в высшей степени поучительные материалы правильно и последовательно осветить с европатологической точки зрения, и мыслить до конца, а не половинчато, как это делает автор обследования.

Перейдем теперь к анализу фактического материала автора, касающегося, главным образом, наследственной отягченности вышеупомянутых групп. Рассмотрим этот материал по порядку, начиная с выдающихся ученых.

Данные о выдающихся ученых.

Справимся сначала у автора этих обследований проф. Ю. А. Филипченко («Изв. бюро по евгенике» № 1, статья «Наши выдающиеся ученые»), кого он причисляет к группе «выдающихся ученых».

«Если с точки зрения евгеники группа ученых, как один из представителей нашей интеллигенции, представляет особый интерес, то в еще большей степени это можно сказать про тех немногочисленных избранников таланта, которых можно назвать *выдающимися учеными*. Однако, как выбрать последние, не впадая при этом в нежелательный субъективизм?»

Нельзя не признать, что в этом отношении мне улыбнулось исключительное счастье.

В декабре 1921 года при комиссии по улучшению быта ученых было организовано особое совещание из ряда специалистов для разделений всех петербургских ученых на группы по выдаче им, так называемого, дополнительного академического обеспечения.

Согласно особой инструкции, при этом было установлено 5 категорий научных специалистов:

а) начинающие молодые ученые;

б) самостоятельные преподаватели и научные работники высших учебных заведений и научных учреждений;

в) крупные ученые с большим научным и научно-учебным стажем;

г) выдающиеся ученые, являющиеся инициаторами и виднейшими представителями в России крупных научных направлений и школ;

д) ученые мирового значения, а равно крупнейшие представители данной науки.

Таким образом, четвертая и пятая группы этой классификации и заключают в себе тех, кого можно назвать выдающимися учеными».

«Всего в четвертую и пятую группы первоначально было зачислено несколько больше 100 петербургских ученых. Этот первоначальный список (а не окончательный, который был утвержден в Москве) и послужил основой для моего специального обследования выдающихся ученых Петербурга, где их, конечно, гораздо больше, чем в других городах России. Однако, при этом мною были сделаны некоторые существенные отступления от списка, которые должны быть оговорены».

«Что касается до представителей пятой (высшей) группы, то они были включены в мой личный список подлежащих опросу лиц целиком — их оказалось 24 человека. Напротив, из четвертой группы я исключил всех медиков и инженеров, как представителей не столько теоретического, сколько более прикладного знания, которые, в силу этого, мне казалось, не могут быть непосредственно сравниваемы с представителями других областей».

«Совершенно несомненно, что выдающийся хирург, гинеколог, инженер путей сообщения и т. п., даже если он является профессором и ученым, резко отличается по всем своим способностям и укладу ума от выдающегося философа, математика, историка и т. д. При этом сокращении число лиц из четвертой группы уменьшилось до 56 человек».

«Словом, составленный мною для себя руководящий список содержал 80 имен различных представителей теоретического знания, среди которых и были распространены анкетные листы... Всего мною было получено, после 8 месяцев довольно энергичных усилий по сбору этого ценнейшего материала, 60 ответов. Однако я решил пойти и дальше и быть более строгим... — Я отвел слабейших (если можно так выразиться) представителей выдающихся ученых каждой специальности, в результате чего у меня осталось только 50 анкет. Если бы можно было опубликовать имена этих 50 лиц, которым, как и всем ответившим на анкету, позволяю себе высказать и здесь мою самую глубокую благодарность, то, вероятно, самый строгий критик должен был бы признать, что мною, действительно, было обследовано все то наиболее выдающееся, чем по праву может гордиться наша петербургская популяция ученых. Однако —

„nomina sunt odiosa“, почему мы приведем здесь лишь распределение их по специальностям.»

Т а б л и ц а № 1.

	Среди всех выдающихся ученых.	Среди ответивших на анкету.
Математики и астрономы	12	—
Физики и химики	9	6
Геологи и географы	8	6
Биологи	19	13
Философы	4	2
Историки	12	7
Филологи	12	7
Юристы и экономисты	4	2
	80	50

Таким образом, автором этого обследования для данной группы взяты исключительно ученые высшей квалификации среди ученых теоретических знаний Ленинграда.

Оставляя в стороне данные этого обследования общего характера, как-то: год рождения, происхождение, национальность, сословное происхождение, детность и проч. и проч., остановим наше внимание на тех данных, которые могут нас интересовать эвропатологически. А именно: на тех данных в генетике выдающихся ученых, которые иллюстрируют нам наследственную отягченность, симбиозирующую с наследственной одаренностью, как закономерное явление. Мы эту закономерность констатировали по отношению к великим и замечательным людям литературно-художественного творчества (см. «Патогенез и био-генез великих и замечательных людей» «Кл. Арх. Ген. и Одар.» выпуск I т. I). Имеется ли эта же закономерность здесь у выдающихся ученых?

В анкетных материалах автора имеются 2 таблицы, иллюстрирующие данные о вопросе, имеются ли выдающиеся родственники и имеются ли дефективные родственники у выдающихся ученых.

Относительно выдающихся родственников, из 50 анкет в 40 анкетах отмечается наличие выдающихся родственников у самих ученых, а в 10 анкетах отсутствуют, при чем степень родства распределяется в таблице таким образом:

Выдающиеся родственники ученых*):

	в %	только они в %		
Братья и сестры	12	30	8	20
Отец	15	40	4	10
Родственники по отцу	12	30	3	7 ¹ / ₂
Родственники их матери	21	52 ¹ / ₂	7	17 ¹ / ₂
Комбинации			18	45
Среди комбинаций, не считаясь		Отец, родные братья 7		
с братьями		" " отца, родные матери 6		
		" " отца 3		

*) Выдающихся родственников их жен, имеющих в этой работе, мы опускаем, как не имеющих отношения к нашему вопросу

Проценты в этой таблице выводятся по отношению к числу заполнивших анкету т.-е. к 40.

Таким образом, из этой таблицы мы видим, что наследственная одаренность или кумулятивные симптомы (кумулятивный компонент) имеются у выдающихся ученых, причем автором отмечается, что. . . «здесь заметно бросается в глаза большее влияние рода матери, а не рода отца, особенно если учесть два обстоятельства, а именно: во-первых, родственники по материнской стороне, с другой же стороны, многими несомненно несколько переоцениваются качества отцов. Нельзя не отметить, что Штейн (обследовавший таким же образом одесских ученых), на основании своего материала, склоняется к тому, что преобладают случаи передачи даровитости по женской линии над мужской, т.-е. «что проводником даровитости является женщина».

В отношении наследственного отягощения у автора обследования имеются данные, приводимые ниже в таблице «дефективные родственники выдающихся ученых».

Эта дефективность отмечена в 22 анкетах (из общего числа 50 обследованных), следовательно, в 28 анкетах наличие этой дефективности не указано (большой частью, с пометкой—неизвестно).

Характер отягощения иллюстрирует нам следующая таблица автора (таблица XVI стр. 34).

Дефективные родственники выдающихся ученых.

	Всего ученых.	Из них:	
		Родных по отцу.	Родных по матери.
Ниже среднего уровня	3	1	2
Душевно-больных	17	5	9
Алкоголиков	7	3	2

Прежде чем сделать какие-либо выводы из этой таблицы, сделаем несколько замечаний по поводу оценки поданных анкет при составлении этой таблицы.

Прежде всего характерно то, что из 50 ответило только 22 человека.

Что это значит? Значит ли это, что у остальных 28 не имеется дефективных родственников?—Нет.

Нам, врачам психопатологам и психоневрологам, хорошо известно, как многие из пациентов из интеллигентного или из высокостоящего (в умственном отношении) круга тщательно скрывают из своего анамнеза данные о своих душевно-больных или дефективных родственниках даже там, где они кровно заинтересованы не скрывать—в кабинете врача, который лечит их самих или близких родных, где они прекрасно сознают, что всякое умолчание об этих данных может повести к ошибочности диагноза и лечения.

Только очень немногие из таких пациентов имеют мужество сказать правду врачу. Это настолько типичная картина,

что врач-практики считаются с этим как с закономерным явлением, как с неизбежным злом.

Нечего и говорить, что при анкетных обследованиях подобного характера, где обследуемое лицо ничем лично не заинтересовано в даче таких сведений, которые он считает для себя неудобными и которые он может дать лишь в серьезные моменты его жизни, он так или иначе станет уклоняться от заполнения таких вопросов в анкетах, и отметка в анкете „неизвестно“ лучше всего освобождает его от этого ответа.

Вот почему 28 человек, недавших ответ на этот вопрос в анкете, должны оцениваться как уклоняющиеся дать ответ на такие щекотливые вопросы как алкоголизм, дефективность и душевные болезни родных.

А всякое уклонение от ответа есть уже само по себе положительный ответ.

Тем более, что имевшие мужество дать ответ—22 человека обследуемых—красноречиво говорят в пользу этого.

Эти данные, полученные автором, должны быть оцениваемы таким образом: из 50 человек, ответивших на анкету, 22 ответивших (т.-е. 44% всего) дали положительный ответ о той или иной форме своей отягченности, а 56% обследуемых уклонились от ответа по нежеланию дать ответ *вследствие той же отягченности*.

Так или иначе, если мы не имеем прямых данных говорить о наследственном отягощении всех 100%, то во всяком случае уже 44% (т.-е. 22 человека из 50 ответивших положительно) есть уже сама по себе внушительная цифра.

Эвропатолог в своих методах поступает как палеонтолог. По данным кусочкам среди найденных раскопок—он строит себе то целое, которое у него не имеется.

На 22 ответивших положительно мы имеем 17 случаев, указывающих на душевное заболевание, остальные 5 случаев из этих 22-х указывают на другого рода дефективность: алкоголизм и проч. Отсюда мы должны сделать такой вывод: если на 22 ответивших положительно мы имеем 17 душевно-больных, то это составляет приблизительно 77% (по отношению к общему числу ответивших на анкеты). Такое же соотношение мы бы несомненно имели, если-б ответ дали все 50 человек.

Принимая во внимание все вышеописанные соображения, отягченность исследуемой группы ученых выразится в таких данных:

Душевные заболевания—около	77%
Алкоголизм „	30%
Состояния, характеризующиеся как состояния ниже среднего уровня—около	13%

А складывая все виды дефективности вместе, мы имеем не менее 100% отягченности.

Во всяком случае, те данные, которые имеются у автора, не дают ему права (если быть точным и последовательным)

вычислять % по отношению к общему числу 50, ибо из 28 анкет большинство ответило „неизвестно“, а такой ответ еще не означает, что у обследуемых не имеется душевно-больных и дефективных родственников; ибо слово „неизвестно“ предполагает смысл—„может быть,—есть, а может быть,—нет“.

Другое дело, если-б автор имел в анкетах на этот вопрос прямой, неуклончивый ответ: *нет* душевно-больных и дефективных родственников; тогда бы он имел право так вычислять % , как это он делает.

Это тем более неправильно, по нашему мнению, ибо берет же автор для вычисления процента выдающихся родственников *только число подавших анкет за 100%*, а не общее число обследуемых; почему же, спрашивается, здесь другой подход к вычислению?

Так или иначе, % стяжения у выдающихся ученых громаден, что, впрочем, признается и автором обследования.

Все это говорит за то, что выдающиеся ученые также не исключаются из того закономерного явления, о котором мы выше говорили, что в патогенезе выдающихся ученых, так же как в патогенезе великих замечательных людей, *наследственная отягченность так же обязательна, как и наследственная одаренность*. Иначе говоря, наличие симбиоза кумулятивных симптомов и диссоциативных симптомов—*есть обязательное условие генетики выдающихся ученых. Следовательно, выдающиеся ученые не составляют исключения из этого правила.*

Данные о представителях искусств Ленинграда.

В обследование представителей искусств Ленинграда вошли художники изобразительного искусства, литераторы, поэты, музыканты, композиторы и артисты драмы, оперы и балета, зарегистрированные в 1923 году в списках Дома Ученых Ленинграда, числом 389 человек. Из них на анкеты годных для обработки ответов получено было всего 105 (27% всех зарегистрированных)

По специальностям эти 105 человек ответивших распределились таким образом:

		в %
Музыканты и композиторы	19	18,1
Художники, скульпторы, архитекторы	32	30,5
Литераторы, публицисты, поэты	26	24,7
Артисты драмы, оперы, балета	28	26,7
Всего 105 челов.		100%

Мы видим, что здесь автор обследования имел чрезвычайно пестрый материал как в смысле разнородности профессий, так в смысле разнородности квалификации.

Мы не знаем, были ли здесь „большие“ художники или „средние“, выдающиеся музыканты и композиторы или рядовые и т. д.

Во всяком случае, в сравнении с группой «выдающихся» ученых, вряд ли они сравнимы, ибо там «отбор» нам известен, т. к. туда вошли ученые действительно с выдающимися именами.

Здесь же, в этой группе 105 человек, неизвестно, входят ли сюда деятели искусств с мировыми именами, или включена сюда заурядная масса работников искусств, с невысокой квалификацией. Возможно, что сюда вошли и те и другие.

Пропуская здесь общие данные обследования, как-то: о происхождении, национальности, детности и проч., остановимся на данных, нас интересующих: имеется ли здесь в патогенезе этих людей компонент наследственной отягченности в симбиозе с компонентом наследственной одаренности.

В материалах автора приведены две таблицы: одна иллюстрирует нам число выдающихся родственников—что указывает нам на наличие наследственной одаренности в семьях этой группы; другая таблица—о дефективных родственниках в семьях этой же группы, иллюстрирующих нам, что в семьях этой группы имеется также наследственная отягченность.

Приведем эти данные здесь.

Выдающиеся родственники (таблица XII на 16 стр. у автора):

	Муз.	Худ.	Лит.	Арх.	Все вообще в %		Только эти родственни- ки из числа указан. в %	
Не указано	4	16	7	16	43	41,0	—	—
Братья и сестры	9	8	5	5	27	25,7	13	21,0
Отец	4	3	3	4	14	13,3	—	1,6
Мать	3	2	3	3	11	10,5	3	4,8
Родственники отца . .	5	6	6	3	20	19,1	8	12,9
Родственники матери .	4	4	9	2	19	18,1	7	11,3
Неясно	2	—	1	4	7	6,7	7	11,3
Комбинации	7	7	6	5	25	23,8	23	37,1

Относительно этих семей автор отмечает:

«Однако, процент представителей искусства, имеющих выдающихся родственников, хотя он (59%) и ниже такого же процента у выдающихся ученых (80%), нельзя все же не признать довольно высоким и свидетельствующим о большой одаренности тех семей, из которых они происходят».

Помимо выдающихся родственников, лица, отвечавшие на анкету, приглашались отметить и родственников дефективного характера, при чем были из общей массы анкет (105) с указанием на тот или иной вид дефективности.

На дефективность указали лишь 40 человек (т.-е. 38%) как это видно из приводимой автором таблицы XIII (стр. 17).

Дефективные родственники.

	Музы- канты	Худож- ники	Литера- торы	Артисты	Всего	% в
Не указаны	13	20	8	24	65	62,0
Ниже среднего уровня	—	—	3	—	3	2,9
Душевно-больные	5	8	9	3	25	23,8
Алкоголики	2	5	10	2	19	18,1

Из данных в этой таблице мы видим следующее: из всех 40 человек, подавших анкеты, 25 отметили, что у них имеются в роду душевно-больные. К числу поданных анкет (40) это составляет: душевно больные 62,5%, алкоголизм 47,5%, дефективность, определяемую как состояние «ниже среднего уровня» — 7,5%.

Здесь надо отметить, что вычисление процентов автором обследования производилось неправильно, а потому в столбце, где указаны %%, неверно отражается картина отягощения, и вот почему неправильно: за сто процентов взяты в расчет все 105 анкет; если бы они были заполнены ответом „да“ или „нет“, тогда эти 25 анкет, заполненных ответом положительным при наличии отрицательного ответа в остальных, составили бы тот %, который вычислил автор.

Теперь из таблицы автора мы видим, что из 105 анкет, в 65 анкетах нет указаний, т.-е. просто на данный вопрос анкета не заполнена обследуемым лицом. А из отсутствия ответа еще не следует, что данного признака не имеется у них. Отсутствие указаний в анкете на этот вопрос можно истолковать или как незнание относительно своих родственников (напр. часто т. н. „незаконнорожденные“ не знают своего отца, а тем более родственников его); или же, что вернее всего, это может быть истолковано как простое уклонение и нежелание ответить на этот вопрос (что чаще всего бывает, как это уже было выше указано, относительно заполнения анкет у выдающихся ученых). Отрицательный ответ (т.-е. что дефективных родственников нет) был бы так и отмечен, как таковой.

Так или иначе, обобщать полученное в 40 анкетах на все 105, при таком огромном количестве (65-ти) неуказанных, есть произвольная натяжка. Воздержание при голосовании какого-нибудь вопроса нельзя истолковывать только как отрицательное отношение к этому вопросу, оно может быть истолковано и в смысле положительном.

Несомненно % отягощения куда выше, чем это вычислил автор. Если по поданным анкетам можно считать 62,5% и прибавить сюда % уклонившихся, то мы бы имели картину отягощения не менее 100%.

Впрочем, мы здесь не об абсолютных цифрах спорим. Сам по себе факт, что из 40 анкет 25 анкет с указанием на наличие душевно-больных у родственников—есть уже нечто внушительное, что не мог отрицать и сам автор обследования, который говорит: „... Процент анкет, где нет подобных указаний, близок к такому же проценту у выдающихся ученых (56%). Однако, у последних душевно-больные наблюдались в 34% случаев, а в общей популяции ученых в 12,2%. Очевидно в этом отношении наши представители искусства стоят между тем и другим, хотя в их семьях процент душевных заболеваний нельзя не признать высоким, что, быть может, как и у выдающихся ученых, имеет некоторую связь с их одаренностью“.

Подводя итоги с эвропатологической точки зрения относительно представителей искусства и литературы Ленинграда (в период обследования), мы можем сказать о них точно так же, как относительно выдающихся ученых, что здесь мы имеем ту же закономерность симбиоза в генетике этих групп: наследственная отягощенность (диссоциативные симптомы) обязательно сопутствует симптомам наследственной одаренности (кумулятивным симптомам).

К этому еще надо прибавить следующее—процент отягощения по мнению автора, приближается к % отягощения выдающихся ученых, несмотря на то, что при обследовании деятелей искусств не было сделано разделение на высшую квалификацию, и на низшую (как это было сделано по отношению к выдающимся ученым); деятели искусств брались en masse.

И все-таки % отягощения приближается к % отягощения выдающихся ученых.

Несомненно, если-б такой отбор производился по такому же принципу, то % отягощения был бы значительно больше, т. е. мы бы имели то же явление, какое находил автор по отношению к ученым. Чем выше квалификация их, тем больше отягощение.

Между прочим, несколько слов необходимо здесь сказать о пригодности анкетных обследований для эвропатологических целей.

В анкетах никогда вы не добьетесь ответов (на такие вопросы как наличие у обследуемых лиц душевно-больных родственников) на все 100%.

Это видно из материалов автора. Большинство уклоняется от этих ответов (по понятным причинам), а потому нельзя получить точных данных.

Эвропатология в будущем для выяснения и проверки таких вопросов должна иметь более тонкие методы обследования, которые имеются у врача, при соответствующем индивидуальном подходе к каждому отдельному случаю.

Данные об ученых Ленинграда (попавших в группу „заурядных ученых“).

Приведем для сравнения данные анкетного обследования, того же автора, относительно ученых (т. наз. «заурядных ученых»), прикрепленных к Дому Ученых.

Всего собрано было автором 330 анкет.

Здесь надо отметить в исследовании автора одну особенность. Эта особенность обследования уничтожает для нас всякую ценность этого материала.

Исследуя по этим анкетам (как обычно) место рождения, происхождение обследуемого лица и проч., как это делается в других анкетах, автор при статистической обработке материала, как полагается, выводит исчисления в % по отношению к тому общему числу (330) подавших и ответивших на анкеты, которые правильно принимаются за 100%.

Однако, когда дело касается подсчета наследственных данных о душевных или других заболеваниях, тут почему-то статистика совершенно меняется.

Конечно, мы привыкли к тому явлению, что со статистикой можно сделать «и так, и этак».

Для чего это надо было здесь, нам не ясно. Автор на этот счет делает такое введение: «Наша анкета содержала специальные вопросы о ряде тяжелых заболеваний, вроде туберкулезных, душевных заболеваний и т. п.»

Эти вопросы также остались не без ответа.

„Из подобных патологических явлений, мы остановимся здесь только на четырех наиболее распространенных: туберкулезе, раке (плюс некоторые другие злокачественные новообразования, обычно смешиваемые с раком), душевных болезнях и алкоголизме.

„При выяснении вопроса о степени распространения этих страданий принимались в расчет лишь семьи самого ученого и его жены или мужа (т. е. они сами, их ближайшие родственники по восходящей линии и иногда братья и сестры).

„Семьи, состоящие из детей ученых, не могли приниматься во внимание, ибо в очень многих из них дети еще слишком молоды, чтоб о них в этом отношении можно было бы сказать что-нибудь определенное“.

«В общей сложности, при этом дело шло о 510 семьях ученых и их супругов».

О них автором приводятся следующие данные:

		В % к общему числу семей (510)
Туберкулез	144 случая	28,2
Рак	124 "	24,4
Душевные болезни	62 "	12,2
Алкоголизм	60 "	11,8

В этих данных читатель видит ту особенность, о которой выше отмечалось нами. Автор по основной своей задаче заданя целью обследовать 330 человек ученых, ответивших на анкету.

Все данные по отдельным вопросам в этих анкетах освещаются по отношению к этим 330 ученым, и % % выводятся по отношению к их общему числу, где число 330 берется за 100 %.

Здесь же в отношении вопросов отягченности болезнями, душевными заболеваниями это число 330 вдруг исчезает и заменяется другой картиной.

На сцену вдруг выплывает новое число 510 (вместо 330). Читатель хочет узнать какой же % ученых из числа 330 имеет те или иные заболевания в семьях, откуда они происходят (т.-е. по линии отца или матери, как это обычно мы делаем).

Вместо этого, автор преподносит читателю такую комбинацию: берется число семей обследуемых ученых и прибавляется к ним число семей их супругов и получается, таким образом, общая сумма 510 семей; и эта новая сумма берется за 100 %, и по отношению к этой сумме выводятся проценты отягченности той или иной болезнью, а не по отношению к 330 обследуемым.

Читатель, недоумеая, так и не может узнать из этой комбинации % отягченности самого ученого (без его супруги *).

Понятна была бы читателю такая статистика, если-б она преподносилась как отдельная статистическая картина, между прочим, на ряду с основной статистической картиной отягченности обследуемых лиц. Но этого автор не дает почему-то.

Таким образом, приведенные выше таблицы нам ничего не дают о наследственности самих ученых, а говорить о суммарной наследственности самих ученых, плюс их супруги, далеко не одинаково для нас.

Во всяком случае это не дает право сравнивать в % % наследственность ученых с % % наследственности выдающихся ученых, где такая операция не производилась, а между тем

*) Была бы понятна нам такая операция, если-б речь шла о выяснении наследственности *детей ученых*, тогда, конечно, важно заболевание и отягченность супругов ученых. Но дети ученых не принимались во внимание (как это сам автор предупредил выше). При чем же тут супруги при выяснении наследственности самих ученых?

на стр. 47 («Известия бюро по евгенике» № 2) такое сравнение производится *larg mapu*.

Выведенный таким образом % душевно-больных в количестве 12,2%—мы должны признать как результат не пригодный для характеристики отягощенности самих ученых, ибо здесь примешаны ни с того, ни с сего их супруги, быть может, имеющие сами по себе % отягощения незначительный, и, быть может, тогда % отягощения будет не 12%, как это вывел автор, а больше.

Но это остается неизвестным.

Данные о ленинградских студентах.

Автором обследования дается соответствующая таблица, иллюстрирующая „распространение некоторых болезней в семьях отцов и матерей студентов“, при чем и здесь, как и в выше приведенном случае, объект обследования—сами студенты вдруг исчезают и на место их таким объектом становятся отцы и матери студентов, и здесь также проценты о наследственности выводятся не по отношению к числу лиц, подавших анкеты, т. е. по отношению к 176 студентам, а по отношению к общему числу отцов плюс число матерей.

Таким образом, получается также и здесь новая сумма 352, которая берется за 100% при вычислении отягощенности.

Автором дается таблица распространения болезней в семьях отцов и матерей студентов, где мы получаем такие данные.

	Всего случ.	В ‰ к общ. числу семей (отцов и матерей) = 352
Туберкулез	48	13,6
Рак	49	13,9
Душевные болезни	26	7,4
Алкоголизм	39	11,1

Вычисление % отягощения самих студентов (подавших 176 анкет), по нашему мнению, производится здесь также неправильно.

Если речь идет о наследственности студентов (как это сказано в заглавии этой статьи автора), то мы должны взять число 176 за 100%, безразлично отягощен ли данный студент со стороны матери или отца, или с обеих сторон. Вычисляем сколько из этих 176 имеют душевно-больных и сколько % не имеют. По статистическим же вычислениям автора, который берет число отцов (176) и число матерей (так же 176), складывает их в общую сумму, получается удвоенное число 352, которое берется за 100%, вследствие чего % отягощения уменьшается ровно на половину.

Таким образом, для того, чтоб узнать действительный % отягощения обследуемых студентов, мы должны процент, выведенный в таблице автора, удвоить на половину.

Тогда у нас получается совсем другая картина, а именно:

	Случаев	В ‰ по отношению к числу лиц обследо- уемых=176
Туберкулез	48	27,2
Рак	49	27,8
Душевные болезни . . .	26	14,8
Алкоголизм	39	22,2

А общий процент наследственности дефективности студентов (т.е. алкоголизм в семье их родителей плюс душевные болезни) выразится в 37 ‰.

Вследствие этого, неправильно автор сравнивает вычисленные им ‰ об отягченности студентов с ‰ отягчения, например, ученых (где, как мы видели, взято еще в расчет и число их супругов) у выдающихся ученых и представителей искусства взято в расчет исключительно число обследуемых лиц.

Получается, таким образом, сравнение ‰ отягчения различных групп, полученных при совершенно различных условиях вычисления.

Общая предположительная картина отягченности у всех этих групп, по тем „обломкам“, которые мы имеем от материалов автора, приблизительно будет такая:

	‰отяг.учен. душевн. за- болеваниям	‰ общей отягченности (душ.заболев.алког.и др.фор.деф.вмес.взят)
1. У выдающихся ученых	77	100
2. У деятелей искусств	62,5	100
3. У заурядных ученых	остается пока невыясненным, но процент отягченности во всяком случае должен быть взят вдвое нежели у автора т.е не менее.	
	25	45
4. У студентов	14	37

Конечно, это предположительная картина отягченности. Цифры эти в своем абсолютном значении должны быть еще раз и еще раз проверены.

В ы в о д ы .

Несмотря на то, что автором вышеупомянутых исследований допущен был целый ряд неправильностей, данные и выводы, им полученные, дают нам возможность сделать свою эвропатологическую оценку и выводы.

Допустим, что полученные автором ‰ отягчения правильны и незыблемы, а указанные нами выше ошибки статистических операций опровергнуты.

Допустим, что верно также вышеупомянутое сравнение, которое делает автор. Не будем спорить о верности статистики, а обратим внимание на другую сторону вопроса: на соотно-

шение % отягощения в сравниваемых группах (студентов, ученых, деятелей искусств, выдающихся ученых), где автор делает вывод—в группе выдающихся ученых, с мировыми именами, % отягощения максимальный, немного меньше у деятелей искусств, зато в группе заурядных ученых—в 3 раза меньше и отягощение. А у студентов еще меньше. Что из этого следует? То, что нам и требовалось доказать:

1. Самые выдающиеся люди научного творчества, если они стоят на самой высшей ступени одаренности (или гениальности), в то же время имеют максимум отягченности (в сравнении с другими, стоящими на более низких ступенях одаренности).

2. Такой параллелизм этих 2-х явлений (чем больше одаренность, тем больше отягченность) не есть случайность, а закономерное явление патогенеза великих людей вообще, а здесь, в частности, выдающихся ученых.

3. В зависимости от этого закономерного явления (симбиоза и параллелизма симптомов одаренности с симптомами отягченности), у ученых, стоящих на более низкой ступени одаренности—будет и более низкая степень отягченности (resp. у ученых, стоящих в группе средней квалификации одаренности между первым и последним, будет иметься и отягченность в средней степени*).

4. Мы имеем право, на основании вышесказанного, говорить о патогенезе людей научного творчества как о закономерном явлении точно так же, как мы это указывали по отношению к великим людям литературно-художественного творчества.

5. Для более точного установления закономерности вышупомянутых фактов необходимо изучить более точными методами наследственную отягченность людей научного творчества.

6. Понятие о евгенической полноценности людей *не совпадает* с понятием европозитивной ценности людей научного творчества (в особенности это касается людей научного творчества высшей квалификации). Наоборот, реальные факты

*.) Таким образом, если-б было возможно сохранить правильное деление Цекубу на 5 ступеней квалификации ученых по степени их одаренности, то это бы также означало деление ученых соответственно этому на 5 ступеней отягощения, где бы высшая группа имела высший % отягощения, а низшая—меньший %.

Конечно, это было бы возможно констатировать при таких отборных 5 группах, стабилизировавшихся в проявлении своей одаренности на какой-либо из этих групп, и когда окончательно известно, что данный ученый дальше такой-то ступени не идет.

Иначе возникает затруднения такого рода: данный молодой ученый, находящийся в самой нижней группе по квалификации Цекубу, а через 20 лет, скажем, он достиг высшей степени квалификации, а отягощенность его, ведь, та же, что и 20 лет тому назад. Ясно, что такой параллелизм может быть установлен в людях, где одаренность уже выявлена окончательно.

биологии выдающихся ученых (в отношении их геноза) стоят в противоречии к евгеническому идеалу.

7. Евгеника ученых может быть в будущем построена лишь тогда, когда будет изучена европозитивная роль патогенеза этих людей и его закономерность.

Пока мы этого не знаем, такая евгеника является по существу беспочвенной.

Психологический анализ „Призраков“ Тургенева.

Проф. В. И. Руднева (Баку).

В своей статье, «Патогенез и биогенез великих и замечательных людей»—д-р Г. В. *Сегалин* *) говорит, что „всякий без исключения великий или замечательный человек литературно-художественного творчества имеет наследственное отягощение, и в этом видит био-генетический закон гениальности.

Тургенев, как выяснил *Сегалин*, имел наследственное отягощение: „его мать была несомненно психопатической натурой (если не душевно больной)“.

Это указание на наследственность разъяснило мне *отчасти*, почему Тургенев заболел в конце жизни душевной болезнью; раковая кахексия вызвала психоз на предрасположенной к нему почве.

Затем, предположение д-ра Сегалина в примечании к моей статье **) „Тургенев и Чехов в изображении галлюцинаций“—не имеет ли рассказ автобиографического значения в патографии самого Тургенева, по моему мнению, является совершенно правильным; и пожелание Сегалина, чтобы в патографии Тургенева этот вопрос был бы освещен надлежащим образом, побудило меня к опубликованию данного психологического анализа „Призраков“ Тургенева, написанного мною еще в 1919 г., где Тургенев, как бы от себя самого, говорит о своих галлюцинациях, и да позволено мне будет „я“ автора называть Тургеневым.

Далее, из психологического анализа произведения какого-либо писателя можно как понять его собственную натуру, иногда крайне эмотивную, поэтическую, так и до некоторой степени проникнуть в психологию его творчества, которое как бы независимо от автора, являясь импульсивным актом, заставляет его брать за перо и едва успеваешь записывать ряд образов, возникающих у него, а с другой стороны эти фантазии представляют из себя иногда настоящие гипермнезии т.е. обостренный механизм воспоминаний, как это увидим на примере Тургенева.

Психология творчества для нас будет более ясной, если мы станем на точку зрения выявления его, как *отчасти* подсозна-

*) Д-р Сегалин „Клинический архив гениальности и одаренности“ т. I стр. 27 и 31 стр.-1925 г.

**) „Клинич. архив ген. и одаренн.“ т. III стр. 181.

тельной деятельности мозга, чрезвычайно развитой у талантливых писателей.

После этих кратких предварительных замечаний перейду к психологическому анализу „Призраков“ Тургенева, которые им названы фантазией.

Взяв эпиграфом своей фантазии стихи Фета: „Миг один и нет волшебной сказки, и душа опять полна возможным“, Тургенев описывает действительно фактические приключения самого себя в реальной, однако, обстановке, при этом все время чувствуется, что эта *фантазия автора есть не что иное, как ряд его собственных мыслей и впечатлений*, принявших поэтический облик.

Взглянув с этой точки зрения на прекрасную фантазию Тургенева, которая при чтении еще в юности вызывала у нас трепетные чувства, можно понять работу подсознательной мысли автора.

Посмотрим же, как она выражается у Тургенева.

После того, как он побывал, повидимому, в обществе, где спириты имели дело с вертящимися столами, расстроив себе порядочно нервы этим постоянным ожиданием общения с таинственным миром, который человек так хотел бы узнать и к которому он имеет постоянное влечение, Тургенев естественно потерял сон, долго ворочался в постели, браня все эти затеи спиритов, о которых, конечно, продолжал думать, и вот в полудремоте вдруг он услышал жалобный звук струны, который повторился, когда он поднял голову и прислушался.

Он испытал при этом *эмоцию страха*.

Волшебный свет луны наполнил комнату; может быть, Тургенев успел после этого уснуть, а скорее в полусне ему почудилось, что он снова слышит звук, а светлое пятно от луны, лежавшее на полу, начинает двигаться и принимать форму белой женщины.

Был ли это сон, или иллюзия, или галлюцинация, трудно сказать, но видение было настолько живо, что Тургенев задал вопрос, кто она, и получил ответ, „я... я... я... я... пришла за тобой“.

Фигура, однако, не об'яснила, кто она, а велела ему ночью прийти в лес, к старому дубу.

Тургенев не мог узнать черт таинственной женщины, он вздрогнул, когда на него пахнуло холодом, и заметил, что сидит в постели, а на месте женщины была полоса лунного света, которую фантазия превратила в женщину. Он пришел в себя от полусонной грезы.

На другой день он не мог спокойно работать, к ночи имел сердцебиение, чего-то ожидал, и, когда лег в постель, снова услышал голос, спрашивавший его, почему он не пришел; обернувшись, он снова увидел ту же самую женщину, с неподвижными глазами на неподвижном лице.

Полусонная греза обратилась теперь в галлюцинацию. Женщина повторила снова „приходи“ и, получив ответ, „приду“—исчезла, подобно дыму. Невольный ужас овладел Тургеневым.

Указание на *страх, ужас*, эти эмоции, т.е. душевные волнения, весьма характерны, и служат ясным указанием на галлюцинацию, которая всегда сопровождается эмоцией, что хорошо было известно писателям: Тургеневу и Достоевскому.

Эти подавляющие эмоции: гнев, ужас, страх производят полную пертурбацию всего организма, изменяя как все его физиологические функции, как-то: дыхание, кровообращение, сердцебиение, перистальтику кишек, отделение желудочного сока и пр., так и психические функции: задерживают мышление, прерывают ассоциации, вызывают тоску и подавленное настроение духа.

На почве эмоций и возникают галлюцинации.

Волнение Тургенева продолжалось, он выпил за ужином бутылку вина, кровь его давала себя чувствовать. Он снова услышал голос, вздрогнул и почувствовал, что кто-то тесно обнял его сзади и лепечет ему в ухо: „приди, приди“.

Несмотря на то, что галлюцинация повторилась уже в 3-й раз, Тургенев не мог не испытать снова пережитого испуга; каждый раз галлюцинация сопровождалась эмоцией. Он снова увидел женщину, которая, улыбнувшись ему, исчезла. Ему показалось, что он видел ее прежде.

Эта неясность, чувство, как будто раньше уже видел, показывает, что образ женщины не совсем чужд ему. Возможно, что когда-нибудь, промелькнув перед глазами, он запечатлелся в бессознательной сфере и теперь снова выплыл в сознании и воплотился в образ представившейся ему женщины.

Все эти волнения и видения заставили его задать себе вопрос, не сходит ли он с ума.

Он, однако, не задумался над своим состоянием, не дал себе ясного отчета, а находясь всецело под влиянием испытанных чувств и видений, а также желания снова увидеть таинственную женщину, бродил по полям, подходил к старому дубу и внимательно осматривался кругом.

Сама природа как бы соответствовала его чувствам: деревья имели неестественный багрянец, листья на них как бы окаменели, странно и загадочно сильный блеск соединялся с мертвой тишиной. Прилетевшая птица как будто явилась посланницей к нему. Какая-то сила держала его в заколдованном круге, погружая его мысли в какую-то дремоту.

Все это душевное состояние показывало, что ум его казался погруженным в самого себя до состояния самозабвения, он находился в ожидании чего-то таинственного, всматривался в окружающую его природу, которая казалась как-бы совершенно

другой, чувства его были скованы, вернее, он находился под обаянием сонной грезы, столь глубоко поразившей ум, чувство и волю его до того, что он, как бы под гипнозом, чувствовал и действовал весь день и, наконец, повинаясь данному ему приказанию „приходи“ вечером, как под влиянием увлекавшей его силы, бросился в назначенное место для свидания к дубу, который когда-то был разбит молнией.

Там он увидел белую фигуру, неподвижно стоявшую около дуба. Это видение, хотя и ожидаемое, однако, снова вызвало у него эмоцию: сердце так и упало, волосы слегка зашевелились у него на голове.

Шевеление волос на голове есть один из признаков страха, сильная степень которого обнаруживается тем, что называют „волосы становятся дыбом“.

Это происходит, как известно, вследствие сокращения мышц, поднимающих волосы, (*erectores pili*) и осталось у людей, как рефлекторный акт, унаследованный от животных, которые, облитые страхом или гневом, щетинивают свои волосы.

Признаком страха также служило „падение сердца“, т. е. замедление его, замедление ритма, почти до полной остановки.

„Фигура женщины была как бы соткана из полупрозрачного, молочного тумана, сквозь ее лицо виднелась ветка, колеблемая ветром, только волосы да глаза чуть-чуть чернели, да на одном из пальцев сложенных рук блестело бледным золотом узкое кольцо“.

Тургеневу опять стало жутко, когда эта фигура сказала, что любит его; это привело его в состояние изумления. Он никак не мог примириться с мыслью, что бесплотное существо может любить, а тем более желать, чтобы ему отдалось.

Тем не менее он исполнил желание призрак, сказал „возьми меня“, и тогда оба они полетели по воздуху.

Ужас напал на него, когда он убедился, что поднялся на страшную высоту. Он просил опустить его ниже и чувствовал, что падает, как брошенный камень, и испытывал галлюцинации мышечного, осязательного и температурного чувства.

Он стал привыкать к ощущению полета и даже находил в нем приятность.

„Меня поймет всякий, кому случилось летать во сне“, говорит он.

Присматриваясь к женщине, с которой летал, Тургенев заметил, что она напоминала фигуры на алебастровой, изнутри освещенной вазе—и опять показалась ему знакомой.

Быть может, когда-нибудь прежде, прозрачное изображение этой фигуры, обратившее на себя внимание Тургенева и заинтересовавшее его, возбудило мысль о бестелесных, прозрачных существах.

Эта мысль могла отложиться в бессознательной сфере и всплыть при таких оригинальных условиях.

Он разговаривал с ней, узнал, что она носит английское имя, любит его, но раньше не знала его, также не имеет понятия о боге.

Рука ее, обвинившая талию Тургенева, показалась холодным поясом, а поцелуй каким-то странным ощущением прикосновения тонкого и мягкого тела (галлюцинация температурного и осязательного характера).

С острова Уайга, где грозное, разъяренное море вздымало яростные волны и производило шум, плеск, визг и скрежет, где смерть и ужас как бы носились в воздухе, Эллис понесла его дальше. Он чувствовал при полете вытье, свист ветра в волосах (галлюцинации слуха и осязания), дух его захватывало, сознание было, повидимому, не совсем ясно, он силился владеть собою, своим сознанием.... В висках неровно стучала кровь и с слабым внутренним звоном все еще кружилась голова.

Когда Эллис, покидая его, плыла мимо, фигура ее вспыхнула телесным, земным цветом; в темных глазах дрогнули живые искры; усмешка тайной неги шевельнула покрасневшие губы... Прелестная женщина внезапно возникла перед ним".

Когда же он опомнился, то ему показалось, что телесная бледно-розовая краска, пробежавшая по фигуре призрака, все еще не исчезла и, разлитая в воздухе, обдавала его кругом... Это заря загоралась.

Он вдруг почувствовал крайнюю усталость.

На следующую ночь было то же. Тургенев не старался понять, что с ним происходило он хотел летать.

Когда он спросил у Эллис, кто она, то она указала туда, где красноватой чертой сияла комета.

Комету часто люди сравнивают с женщиной. хвост ее похож на волосы. Еще Пушкин когда-то сказал о своей жеве: „люблю тебя, моя комета, но не люблю твой длинный хвост“.

Комета при своем появлении всегда поражала воображение людей, которые связывали даже с нею наступление особых событий. Вспомним, например, кометы 1613 и 1812 года. Они внушали суеверный страх.

Поэтическая фантазия Тургенева олицетворила это чудное, небесное светило, прозрачное как Эллис, странствующее среди звезд и неизвестно куда исчезающее, в прелестную женщину, образ которой вообще никогда не покидал Тургенева, этого невазлюбви, который также всю жизнь свою был во власти женщины иностранки Полны Вярдо.

Эллис и Тургенев полетели в Италию, он почувствовал прикосновение теплого и мягкого воздуха к щекам, видел Подтийские болота, Рим, вызывал Юлия Цезаря, при появлении которого почувствовал ужас, слышал крики легионов. На острове *Isola Bella* он ощущал запах померанцев, видел красавицу и слышал ее пение (обонятельная, зрительная, слуховая галлюцинации).

Когда он заговорил с ней, то его „тело вздрогнуло от сильного толчка—точно он коснулся лейденской банки“ (галлюцинация электромышечного чувства).

Эллис приревновала его к красавице.

Понеслись они на берег Волги, он слышал пение, видел мелькание огоньков, барки, берега реки. Видел, как, после крика „Сарать на кичку“, на него шел Степан Тимофеевич.

Ему почудилось, как будто громадное тело надвигалось на него... На него пахнуло жаром близкого пламени, горькой гарью дыма, и в то же время что-то теплое, словно кровь, брызнуло ему в лицо и на руки.

Дикий хохот грянул кругом“ (галлюцинации мышечного, температурного, обонятельного, осязательного, слухового, зрительного—почти всех чувств).

Он лишился чувств, чувствовал себя потом разбитым и истощенным.

На утро имел головную боль. Задал себе вопрос: „да уже не во сне ли я все это вижу“. Но узнав от прислуги, что уходил из дома, подумал: „летание, значит, не подлежит сомнению“.

Прислуга заметила ему, что он осунулся, бледен, и в лице у него нет ни кровинки. „Ведь эдак умрешь, пожалуй, или сойдешь с ума“, рассуждал он, сидя в раздумьи под окном. „Надо все это бросить, это опасно. Вон и сердце как странно бьется“.

А когда он летает, ему все кажется, что его кто-то сосет, или как-будто из него что-то сочится, вот как весной сок из березы, если воткнуть в нее топор. А все-таки жалко.

Тем не менее, он решил еще в последний раз полетать и, отправившись к дубу и не застав там Эллис, „не мог примириться с мыслью, что его спутница уже не вернется к нему“. Но Эллис как кобчик налетела на него, он почувствовал ее щеку на своей щеке, кольцо ее руки вокруг своего тела, и, как острый холодок, вонзился ему в ухо ее шопот: „вот и я“.

Во время этого свидания, он в первый раз заметил, что она перестала быть прозрачной. В ее глазах „что-то двигалось медленным, безостановочным, и зловещим движением свернувшейся и застывшей змеи, которую начинает отогревать солнце“.

Полетели в Париж. Его тотчас охватила какая-то белая мгла с снотворным запахом мака.

Все исчезло разом: всякий свет, всякий звук и самое почти сознание.

Одно ощущение жизни осталось, и это не было неприятно.

Тургенев говорит, что он и *прежде бывал в Париже*, так же, конечно, как и в Шварцвальде, в Италии, на Волге; все те впечатления, которые он испытывал раньше, все это проносилось перед ним снова. Он опять переживал свои прежние чувства и ощущения.

Все проносилося перед ним „подобно свитку нескончаемой панорамы“.

У него наблюдалась *гиперэстезия воспоминаний*, которая, по моему мнению, является *источником галлюцинаций*, на ней необходимо остановиться, так как, поняв этот механизм, можно понять содержание галлюцинаций.

Гиперэстезия воспоминаний, как источник галлюцинаций и поэтических образов.

В своей работе о «галлюцинациях и псевдогаллюцинациях*) я приводил примеры того, как б-ой, имевший хорошую память, точно припоминал давно прошедшие события, хотя прошли уже десятки лет.

Его галлюцинации были не что иное, как появляющиеся неправильно или по желанию образы воспоминаний. Я признал у него *обострение механизма, заведующего воспоминаниями*.

Этот механизм есть у каждого человека и известно, что при желании припомнить что-нибудь забытое лучше всего предоставить работу самому мозгу.

Образы памяти тем удивительны, что они сохраняются в подсознательной сфере и всегда могут появиться вновь.

В нормальном состоянии эти образы большей частью появляются при произвольном вызове их, и только в редких случаях они появляются непроизвольно, и тогда они имеют навязчивый характер.

Совсем иное дело при патологических условиях; здесь непроизвольное появление их составляет правило, а навязчивый характер выступает с особенной силой, кроме того изменяется колорит образов: они приобретают слишком живой характер. вследствие чего об'ективируются, считаются находящимися во вне, в пространстве, и результатом этого является как появление галлюцинаций и псевдогаллюцинаций, так и образование бредовых идей различного характера.

Живость образов свойственна поэтам, художникам, которые постоянно живут в области фантазии.

Все видения или призраки Тургенева представляют не что иное, как образы его прежних впечатлений или воспоминаний, а парижские картины даже являют точную копию пережитых им событий.

Описывая их, он даже переживает прежние чувства от восхищения до отвращения так, что становится тяжелым для Эллис.

Что эти картины не представляют выдуманного, служит их необыкновенная пластичность и такая верность действительности, что, кажется, эти картины нарисованы Тургеневым по воспоминаниям.

*) Руднев «Неврологический Вестник» за 1911 г. т. XVIII вып. 2.

Хотя бы взять Шварцвальд. Кто был там, может представить себе эти «горы, все горы и лес, прекрасный старый, могучий лес. Ночное небо ясно, можно признать каждую породу деревьев, особенно великолепны пихты с их большими, прямыми стволами» и т. д.

Это прекрасное описание виденного леса. Или, например, описание острова Уайта с его волнующимся морем; вся картина как бы запечатлелась и воспроизведена по воспоминаниям.

Фантастическая Эллис разбудила *подсознательные воспоминания* Тургенева и заставила его снова пережить их, а также испытать все те чувства, с которыми они были связаны.

Она совершенно владела его умом, она почти всегда „знала, о чем я думаю“, говорил Тургенев. Но так как это было бессознательное воспроизведение, то ему казалось, что он видит это наяву, тогда как это была его фантазия.

Эмоции же, которые он все время испытывал, придавали такую жизненность этим картинам, принявшим форму *галлюцинаций* почти *всех чувств*, потому, что все чувства были когда-то затронуты при впечатлениях.

У Тургенева воспроизведено поэтическое описание образа смерти, в виде бесформенного чудовища, тяжелого, мрачного, изжелта-черного, нестрога, как брюхо ящерицы, медленно змеиным движениемдвигающегося под землю и ищущего своей добычи.

«О, я, несчастная, я могла бы воспользоваться, набраться жизни, а теперь ничтожество, ничтожество», восклицала Эллис.

Мысль о смерти и ничтожестве беспокоила Тургенева, как увидим дальше из его очерка «Довольно», и этот образ смерти принял у него такую форму.

После того, как он лишился чувств и снова пришел в себя, то услышал, что «тихий стоп раздался вблизи. Я повернул голову.

В двух шагах от меня недвижно лежала распростертая молодая женщина в белом платье, с разбросанными густыми волосами, с обнаженным телом... Я видел перед собою живую женщину.

Эллис, ты ли это? — воскликнул я.

Вдруг, медленно затрепетав, приподнялись широкие веки, темные, пронизательные глаза впелись в меня и в то же мгновение в меня впелись и губы, теплые, влажные с кровавым запахом,..... мягкие руки крепко обвили вокруг моей шеи, горячая полная грудь судорожно прижалась к моей.

Прощай, прощай на век — явственно прозвнес замиравший голос — и все исчезло.

Видения прекратились. Можно вернуться к действительности.

Тургенев приподнялся, шатаясь на ногах, словно пьяный, и, проведя несколько раз руками по лицу, огляделся внимательно. Он пришел, наконец, в себя.

Он находился в 2-х верстах от своей усадьбы.

Хотя все следующие ночи не без страха он ждал появления призрака, но он не посещал его более, о чем он не жалел.

Он много и долго размышлял об этом непонятном, почти бестолковом казусе и убедился, что «не только наука его не объясняет, но что даже в сказках, в легендах не встречается ничего подобного.

«Что такое Эллис, в самом деле? Привидение, скитающаяся душа, злой дух сальфида, вампир, наконец? Иногда мне опять казалось, что Эллис женщина, которую я когда-то знал и я делал страшные усилия, чтобы припомнить, где я ее видал.

Вот, вот, казалось иногда, сейчас, сино мнунту вспомню... Куда-то все опять расплывалось, как сон.

Да, я думал много и, как водится, ни до чего не додумался.

Спросить совета или мнения других людей я не решался, боясь прослыть за сумасшедшего.

Здоровье расстроилось, грудь заболела, бессонница, кашель.

Все тело сохнет, лицо желтое, как у мертвеца.

Доктор уверял, что у меня крови мало, называет мою болезнь греческим именем, «анемией».

Но что значат те пронзительно чистые и острые звуки, звуки гармоники, которые я слышу, как только заговорят при мне о чьей-нибудь смерти.

Они становятся все громче, все пронзительней.... И зачем я так мучительно содрогаюсь при одной мысли о ничтожестве».

Все это было написано Тургеневым в 1863 г., в следующем же, 1864 г.—он уже написал рассказ «Довольно», который объясняет многое из его психических переживаний предыдущего года и отчасти бросает свет на его фантазию „Призраки“, о чем мы далее скажем, а теперь воспользуемся не очень давно изданными письмами Тургенева к м-ше Виардо, а также его биографией, и проникнем отчасти в смысл разбираемой нами фантазии „Призраки“, являющейся, как я сказал, бессознательным воспроизведением мыслей Тургенева.

Дело шло в ней о женщине, о любви ее, отношении к автору, о смерти, о ничтожестве существования и пр.

Во всем этом видны *личные взгляды Тургенева* и, несомненно, его же переживания, бессознательно вложенные в образ Эллис.

Если Вы ознакомитесь с его письмами к Виардо, напечатанными в «Вестнике Европы» за 1918 г., то вам станут понятны его чувства к женщине.

Тургенев—певец любви. Будучи всю свою жизнь во власти ее, он удивительным образом изображал все оттенки ее, но,

вместе с тем, связанный всегда любовью, Тургенев в «Призраках» изобразил, по моему мнению, как волшебное свойство любви, так и ее прозу—отраву.

Тургенев описывает женскую любовь призрака Эллис в виде прекрасной женщины, которая за свою любовь требовала, чтобы автор отдался ей.

Для Тургенева Эллис—символ женской любви, как он сказался бессознательно в душе его.

Остановимся на творчестве его, на психологических основаниях его.

Из биографии Тургенева мы узнаем те необычные условия, в которых он жил с Виардо; все они, повидимому, отравляли ему любовь женщины, и потому, мне кажется, в «Призраках» он изобразил это бессознательно.

Относительно психологии бессознательного, теперь в науке установилось мнение, что бессознательная сфера служит местом вытесненных желаний, неосуществленных потребностей (Фрейд).

Тургенев, таким образом, как бы бессознательно выразил в своей фантазии то, что, собственно, составляло его прежнее наблюдение жизни, и отношение к такому явлению, как любовь.

Он проговорился относительно самого себя, сам, может быть, не желая этого и назвав свое произведение фантазией.

В очерке «Довольно» Тургенев говорит относительно самого себя, по адресу, конечно, Виардо, следующее:

«Слушай, когда я в первый раз тебя увидел, и еще не подзревая, чем ты станешь для меня, уже носил тебя в сердце безмолвно и тайно».

Этим он хотел, повидимому, сказать, что в любви его к Виардо было что-то роковое, таинственное.

Ее образ был уже в сердце у него.

Бессознательное для него стремление любви нашло свое олицетворение, но эта любовь, как известно, в действительности доставила ему, кроме наслаждений, еще множество нравственных мучений и терзаний.

В отрывке «Довольно» Тургенев, изображая себя в виде художника, пишет следующее:

«В конце марта, перед благовещением, вскоре после того, как я увидел тебя, я почувствовал, идя по льду, в себе какую-то радостную, непонятную тревогу». Желая отыскать причину своего восторженного состояния, он поднял глаза: высоко неслись станцией перелетные птицы.

— Весна! Здравствуй, весна,—закричал он громким голосом, —здравствуй, жизнь и любовь, и счастье, «и в то же мгновение со сладостно-портясающей силой, подобно цветку кактуса, внезапно вспыхнул во мне твой образ, вспыхнул и стал оча-

ровательно яркий и прекрасный, и я понял, что я люблю тебя, тебя одну, что я весь полон тобой».

Далее идет поэтическое описание многих воспоминаний на всех путях жизни: и в старом русском саду, и в древнем соборе, и на берегу перусской реки.

В конце концов он говорит „едипственному и незабвенному другу, дорогой подруге, которую покинул навсегда, но которую не перестанет любить до конца жизни“: «Ты знаешь что нас разлучило.

В конце концов «довольно». А все почему довольно: эх! состарился».

Да, в старости вся причина: все потускнело, вся жизнь поблекла для Тургенева, он не может более любить и воспевать любовь, он разочарован.

Этот пессимизм Тургенева явится ясным отражением его болезненного физического состояния.

Еще *Селли* в «Пессимизме» пришел к заключению, что он есть результат особого физиологического состояния организма (например, у философа Леопарди), и хотя у Тургенева только через 18 лет после очерка «Довольно» появились первые признаки болезни, сведшей его быстро в могилу, когда он, во время облегчения от нее, написал «почти безумную» повесть Клара Милич, представлявшую несомненно галлюцинаторные переживания его, все же оказывается, что он уже давно был хорошо ориентирован относительно психологии галлюцинаций.

Это указывает или на необыкновенную проницательность, или, следуя мнению д-ра *Сегалина*, на возможность автобиографических переживаний, и можно думать, что Тургенев уже в 1863 г. испытывал известные галлюцинаторные состояния, столь поэтично изображенные им в повести «Призраки».

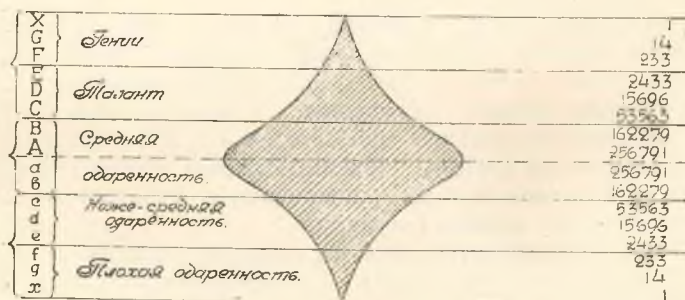

Кривая одаренности по Гальтону и европапология.

Д-ра Г. В. Сегалина.

Как известно, Гальтон в своей „Кривой одаренности“ дал определенную иллюстрацию частоты этой одаренности в данном коллективе людей в различных степенях, начиная с гения и кончая идиотами.

Гальтон, пользуясь статистическими данными и применив известную формулу о законе средних чисел, установил, что на 1 миллион людей в Англии, различные степени и квалификации одаренности распределяются таким образом (смотри рис. *).

Средняя нормальная человеческая одаренность (данной определенной группы людей) падает на большинство данной группы приблизительно 50% (в грубо округленных цифрах). Остальные 50% распределяются в отношении одаренности или в сторону понижения или в сторону повышения.

Группа в сторону понижения (около 25%) постепенно количественно падает, так что крайний полюс составляют небольшое количество идиотов, как крайняя степень понижения одаренности.

Обратно: группа в сторону повышения одаренности (также около 25%) количественно постепенно падает по мере роста одаренности и талантливости, а крайняя предельная группа максимальной одаренности, группа гениальных людей—составит крайнюю ступень одаренности в сторону плюс.

*) Рисунок воспроизводим по Hofmann'у. Vererbung und Seelenleben стр. 78 Berlin 1922.

В этой кривой Гальтона замечательно то, что крайние группы—группа идиотов и группа гениальных численно соответствуют (около 250 человек как гениальных людей, так и идиотов).

Также и средние (вернее—промежуточные) группы между серединной нормальной группой и любой из крайних групп—соответствуют друг другу по численности.

Нормальная человеческая одаренность среднего здорового человека, как было сказано, занимает в этой кривой центральное положение.

Талантливые люди, в зависимости от степени их талантливости, занимают место от серединной группы до группы гениальных.

Также люди с недостаточной одаренностью (ниже среднего нормального человека) по степени падения одаренности приближаются к крайней полюсной группе идиотов.

В принципе это гальтоновское распределение степеней одаренности принимается авторами как распределение, соответствующее жизни. Хотя, правда, числовые данные Гальтона не всегда так идеально совпадают с данными, которые нам преподносит жизнь.

Здесь важен самый принцип распределения. Никто ведь не может сомневаться, что крайние группы гениев и группы идиотов—суть самые редко встречаемые варианты людей в любом человеческом коллективе, а наоборот—самые частые—это средние нормальные способности среднего человека.

Остальные же группы одаренных людей должны распределяться между 1-ми и 2-ми в нисходящем порядке по направлению к обоим крайним полюсам.

Теперь спрашивается, как мы должны оценить гальтоновскую кривую одаренность с эвропатологической точки зрения?

Эвропатология в принципе также принимает гальтоновскую кривую за основу, но расшифровывает биологический смысл этой кривой, и именно благодаря методу эвропатологическому.

Для этого мы должны несколько уяснить некоторые наши термины. Условимся всю центральную группу (медианную группу) нормальной одаренности нормальных людей называть эвро-латентной группой.

Эвро-латентной группой мы ее обозначаем постольку, поскольку мы предполагаем, что каждый средний нормальный человек—с нормальными средними способностями—потенциально скрывает в себе больше способности, нежели он проявляет как «средний человек», попавший, как таковой, по статистике Гальтона в группу средне одаренных, лишь по проявленным наружу способностям.

Ибо если такого же «среднего человека» поставить в условия, где он может себя диссоциировать, то он может проявить

ту или иную скрытую одаренность—больше чем он выявляет ее наружу в нормальных условиях.

Итак—вся средняя масса людей со средней одаренностью обозначается нами как эвро-латентная группа.

Группу, идущую по лестнице повышения одаренности, завершающуюся группой гениальных, назовем эвро-позитивной группой, или, лучше—эвро-активной, поскольку у этой группы одаренность из потенциального состояния перешла в активное состояние (в той или иной степени).

Всю противоположную группу с нарастающим понижением одаренности обозначим как эвронегативную группу. Эвронегативной—мы должны обозначить эту группу не потому, что здесь мы имеем падение интеллектуальных способностей и рост дефективности, а потому, что здесь постепенное падение латентных кумулятивных сил нормального человека. Сама нарастающая патология в этих группах не дает еще нам основания считать их эвронегативными, ибо мы знаем, что бывают слабоумные и дефективные с односторонне развитыми выдающимися способностями в какой-либо области. Так что здесь дело не в патологии и нарастании дефективности, а в отсутствии потенциального заряда (кумуляции) одаренности. Следовательно, мы имеем здесь дело с людьми, хотя и дефективными и патологическими, но с негативно-патологическими, а потому—эвронегативными.

Итак, здесь патология эвронегативна потому, что нет наличия кумулятивного компонента. Другое дело в противоположной группе европозитивных. Здесь при наличии кумулятивного компонента, та же патология играет роль некоторого толкача—реагента, который обуславливает эвроактивность. Здесь потенциальные силы одаренности, благодаря позитивному влиянию той или иной дозы патологии, перешли в активное состояние. Причем дозировка эта зависит от степени одаренности. Крайняя степень одаренности имеет и большую эвропозитивную дозу невропатии, герп. психопатии; меньшая степень одаренности—меньшую степень невропатии, герп. психопатии и т. д.

Что это так, мы видим, например, из данных патогенеза ленинградских ученых и ленинградской интеллигенции, приведенных выше в нашей статье: «Патогенез ленинградских ученых». Если мы поставим, согласно приведенных там материалов обследования, выдающихся ученых на крайнюю и высшую степень научной одаренности Ленинграда (для годов 1921-22), а массу студентов как группу интеллектуальной одаренности, выделяющуюся из средней человеческой массы (средней одаренности) как начальная ступень по гальтоновской лестнице одаренности, по нашей терминологии—как начальная группа европозитивных, и если также мы включим группу т. н. заурядных ученых, как некую переходную группу научной одаренности от студентов к выдающимся ученым, то мы полу-

чим здесь некоторые основные этапы по этой лестнице интеллектуальной одаренности Гальтона*).

Из приведенных данных в вышеупомянутой статье мы установили, что—чем выше квалификация (в смысле одаренности) данной группы, тем выше отягченность (см. «Выводы» в вышеприведенной статье „О патогенезе ленинградских ученых.“). Таким образом, самые высокостоящие по этой лестнице группы выдающихся ученых дали и максимальный % отягченности, а стоящие в группе начальных ступеней одаренности, как-то: группа студентов—минимальную отягченность.

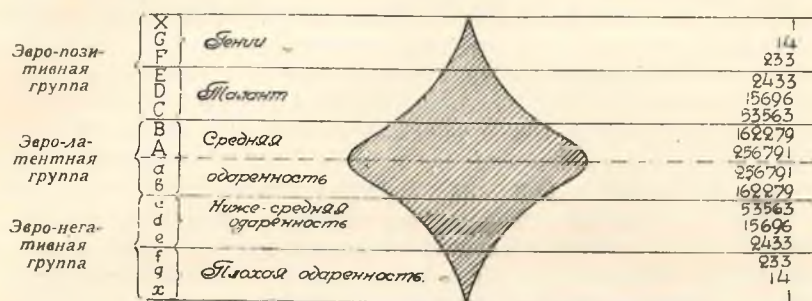
Для нас, конечно, не столько важны абсолютные данные, иллюстрирующие отягченность в процентах, сколько относительные в смысле параллельного увеличения % отягченности с увеличением квалификации одаренности.

Это обстоятельство настолько резко бросается в глаза, что проф. Филипченко, который, несмотря на то, что ему как евреисту, это страшно невыгодно, не мог не констатировать этот факт. С нашей, европатологической точки зрения эта параллельная связь отягченности с увеличением одаренности есть закономерность европозитивных групп, а потому европатология должна тщательно изучать эти группы, чтоб уметь обосновать эту закономерность на более многочисленных фактах и материалах. Каждый исследователь если-б он пожелал проверить эти соотношения между ростом эвроактивности и ростом % отягченности—может это проверить, если возьмет любую группу интеллектуальных профессий, скажем, массу музыкантов или точно так же, массу врачей, юристов, ученых, математиков и проч. и разделит каждую профессию на 5 групп по методу Цекубу или (что так же) по методу Гальтона, начиная с начальной формы одаренности и кончая гением, то получит те же соотношения: чем выше группа одаренных в данной профессии, тем выше % отягченности: каждый вид интеллектуальных профессий будет иметь свою европатологическую корреляцию между кумулятивными симптомами и диссоциативными, или (что так же) каждая—эвроактивная группа по гальтоновской лестнице одаренности будет иметь свою пропорцию одаренности и отягченности аналогично психо-эвротической пропорции одаренности отдельной личности (см. мою статью «Психо-эвротическая пропорция гениальной одаренности», «Клинич. арх. гениальн. и одаренности» выпуск 4 т. I.).

Эту пропорцию надо рассматривать как выражение некоей корреляции этих 2 факторов одаренности.

*) Некой попыткой создать такую лестницу европозитивных групп надо рассматривать деление Цекубу на 5 групп ученых по квалификации. Пусть это деление во многом несовершенно, но по идее своей является правильным и близким к гальтоновскому распределению. Современное деление на 3 группы менее удовлетворяет, ибо нет той дифференциации, необходимой для практических целей изучения.

Резюмируя все сказанное и модифицируя гальтоновскую кривую одаренности с точки зрения европатологии, мы получим примерно такую картину (см. рис.).

Вся кривая Гальтона с точки зрения европатологии делится на 3 большие группы, причем помимо признаков одаренности, которыми эти группы отличаются между собой (согласно гальтоновского распределения), эти группы характеризуются еще и следующими закономерными особенностями.

1. *Центральная группа*—средняя нормальная одаренность нормальных людей—есть *эвро-латентная группа*, т.е. она характеризуется тем, что никаких симптомов активной, сверхобычной одаренности она не проявляет. Но в латентном состоянии эта сверхобычная одаренность имеется у каждого нормального средне-одаренного человека, если мы поставим этого человека в условия, где эта скрытая одаренность может быть тем или иным способом активирована. Говоря здесь о „сверхобычной одаренности“, мы понимаем под этим словом всякую одаренность, если она хоть чуть-чуть превышает среднюю норму, а тем более если это повышение идет еще дальше. *Никаких симптомов патологии эта средняя одаренность не проявляет.*

2. *Эвропозитивная группа*. Эта группа, по Гальтону, идущая вверх по лестнице одаренности, начиная от групп средней одаренности в сторону повышения, вплоть до группы гениев.

Характерною европатологическою особенностью этой группы, в отличие от средней группы, является, во-первых, то, что эвроактивность здесь повышается тем более, чем группа выше подымается вверх; во-вторых, в этих группах повышается наследственная отягченность (в сравнении с нормой) и чем выше группа по этой лестнице одаренности, тем выше % отягченности; таким образом, в группе гениев отягченность достигает максимума: 100%, в группе начальной одаренности этот % отягченности незначительно выше нормы, а в средних европозитивных группах по этой лестнице одаренности % отягчения сравнительно в средних же степенях и т. д. Здесь получается определенное, закономерное соответствие между сте-

пению повышения одаренности и степенью повышения отягченности. Здесь можно говорить об определенной корреляции между этими 2-мя явлениями. Получается определенное впечатление, что рост одаренности по этой лестнице (т.е. рост активности скрытой латентной энергии одаренности) активируется под влиянием роста отягченности как активатора, достигая максимума этого активирования у гениев.

Вследствие такой закономерной связи отягченности и одаренности, симптомы невротизма и психотизма в массах этих групп чрезвычайно обильны и симбиозировуют с симптомами активной и скрытой одаренности, причем—симптомы невротизма и психотизма повышаются соответственно с ростом квалификации одаренности. Не всегда, конечно, симптомы психотизма у личности данной группы клинически проявляются открыто. Во многих случаях они находятся в состоянии скрытом и часто как-бы покрываются симптомами высокой одаренности и гениальности. Однако конституционально-генетически эти симптомы всегда можно констатировать тем чаще и определеннее, чем данная группа стоит выше по гальтоновской лестнице одаренности. Например, Тургенев, стоящий на этой гальтоновской лестнице одаренности на высшей ступени. Сам он не проявляет никаких симптомов психотизма за весь период его творческой жизни. С виду он как-будто „здоров“, однако, конституционально-генетически он тяжело отягчен. Мать и ближайшие родственники по матери проявляют тяжелые симптомы психотизма. Брат у него эпилептик. Лично сам Тургенев при жизни проявляет ряд симптомов: в детстве—мозговая болезнь, периодические депрессии, навязчивый страх и навязчивые состояния, смена настроения, сексуальная ненормальность и проч. и проч.—Все это указывает на то, что конституционально у него скрыт некий невро-психотический Status.

И действительно, при наступлении критического момента его жизни, когда органическая болезнь спинного мозга (неизвестно, эндогенного или экзогенного характера), его психика реагирует психозом. Между тем, в жизни Тургенев казался идеалом «здоровья» как физически, так и психически. Пример Тургенева весьма типичен для группы тех великих людей и гениев, где под видимым «здоровьем», скрывается латентный невро-психотизм. Как сказано было выше, чем ниже группа по этой лестнице одаренности Гальтона—тем меньше отягчение. В группах, стоящих близко к центральной эвролатентной группе, эти симптомы едва намечаются. Они могут ограничиваться теми симптомами невротизма (неврастения, психостения—слегка истероидные симптомы), обычными в массе так называемых интеллектуальных профессий интеллигенции, стоящей по этой лестнице Гальтона на рубеже с здоровой среднячком массой людей. Кто не знает, как характерна для этой интеллигенции ее «нервность», как нечто ей присущее по ее при-

роде. Это то общее место, известное всякому профану. Также известно всякому то избитое шаблонное объяснение, которое дается этому явлению: интеллектуальная профессия сама по себе требует напряжения нервной системы, а поэтому, дескать, они «первны». Не отрицая возможности такой связи по существу, однако, причину этой первности мы должны искать не в профессии, требующей напряжения нервной системы, а в генезисе этой интеллигенции и формулировать это таким образом: интеллигенция «первна» не потому, что профессия делает ее нервной, а потому, что, сделавшись интеллигенцией вследствие «первности», она «первна» по происхождению своему. Ее нервность от природы — стимулирует ее (resp. диссоциирует ее) к творческой активности, разряжая в них некоторую дозу скрытой энергии одаренности, что делает их «интеллигенцией».

Нервность этой группы людей есть органический симптом активированной одаренности — вот где первичная причина этого явления. Конечно, тут не исключаются и вторичные симптомы нервности, вследствие «напряжения нервной системы» или вследствие переутомления от самой профессии.

Общей характеристикой всех этих групп является то, что в этих группах симптомы патологии в проявлениях одаренности (начиная от небольших проявлений одаренности до феноменального проявления гениальности) играют не отрицательную, а эвропозитивную роль (плюс наряду с отрицательной ролью играют в то же самое время эвропозитивную роль).

3. *Эвронегативная группа.* Эта группа по Гальтону является сплошь дефективной, при чем эта дефективность тем более повышается, чем ближе к крайней группе, завершающейся группой идиотов и слабоумных. В группе, следовательно, стоящей ближе к средней нормальной (эвролатентной) массе нормальной одаренности, эта дефективность незначительна. Переведя определение этой дефективности на клинический язык, мы найдем, что эти группы представляют из себя нам знакомые клинические группы дефективных, известные нам под такой классификацией.

1. Слегка дебильные и слегка дефективные.
2. Дебильные и дефективные.
3. Слегка имбецильные и слегка слабоумные.
4. Имбецильные.
5. Слабоумные.
6. Резко слабоумные.
7. Идиотизм.
8. Глубокая степень идиотизма.

Здесь также могут быть отнесены те группы т. наз. «дегенеративных», проявляющих симпт. мы снижения одаренности

Характерной особенностью этих групп является то, что здесь с ростом степени дефективности идет параллельно рост

отсутствия тех элементов одаренности, которые присущи нормальному евролатентному человеку по гальтоновской лестнице одаренности. Вся эта группа, поэтому, нами определяется как *эвронегативная*. Понижение одаренности в этих группах надо объяснить 2-мя причинами: 1 причина—отсутствие нормального кумулятивного компонента, присущего нормальному евролатентному человеку, причем это отсутствие тем более прогрессивно увеличивается, чем ближе к группе абсолютно малоценных (слабоумных и идиотов). 2 причина—эвронегативный характер патологии, ведущий к уничтожению или опустошению в той или иной степени одаренности.

Здесь мы должны напомнить, что сама по себе такая дефективная патология, как наличие дебильности, психической недостаточности, и даже слабоумие сами по себе не всегда уничтожают одаренность. Нам ведь известно, что односторонняя высокая одаренность может существовать при слабоумии и других формах психической дефективности, значит дело тут не в этом, а в характере этой патологии.

В одном случае эта патология абсолютно или относительно разрушает одаренность, следовательно, мы имеем здесь дело с *эвронегативной патологией*; в других случаях мы имеем дело с патологией не только не разрушающей одаренность, но, наоборот, благоприятствующей в том или ином отношении одаренности, следовательно, мы имеем дело с *эвропозитивной патологией*, которая хорошо компенсируется и коррелируется с кумулятивным компонентом.

В группах европозитивных (рассмотренных нами выше) мы имеем такую европозитивную патологию.

В группах евронегативных мы имеем, наоборот, ту отрицательную патологию или (по нашей терминологии) *эвронегативную патологию*.

Эти 2 понятия обычно смешивают (постольку, поскольку медик и не медик привык мыслить всякую патологию как болезнь, с которой он призван бороться).

С европатологической точки зрения мы должны строго различать эти 2 понятия. Точно также после этого мы теперь имеем возможность ограничить объект изучения европатологии. Европатология, следовательно, есть учение, которое имеет дело с той патологией, которая концентрируется в европозитивных группах гальтоновской лестницы одаренности.

Все другие группы не подлежат изучению европатологии постольку, поскольку мы имеем дело там с патологией без «эвро», т.е. с патологией в обычном смысле этого слова. Точно также, нам делается понятным в биологическом смысле туманное понятие „интеллигенция“. С европатологической точки зрения под „интеллигенцией“ мы должны понимать те группы по гальтоновской лестнице одаренности, которые характеризуются как европозитивные группы.

Литературные источники, на которые автором делаются ссылки.

- Ф. Гальтон.—Наследственность таланта. Перевод с английского. Изд. „Знание“ 1875 г.
- Г. В. Сегалин.—К патогенезу ленинградских ученых. «Клинич. арх. геннальн. и одарен.» вып. 3-й, том IV.
- Ю. А. Филипченко.—4 статьи: 1) Статистические результаты по наследственности среди ученых Петербурга.
- 2) Наши выдающиеся ученые.
- 3) Результаты обследования ленинградских представителей искусства.
- 4) Некоторые результаты анкеты по наследственности среди ленинградских студентов. «Известия Бюро по евгенике» № 1 и № 2, Ленинград, 1922 и 1924 г.
-

Александр Блок.

(Патографический очерк).

Д-ра Я. В. Минц (Москва).

В нашей развивающейся патографической литературе, до сих пор еще нет ни одной работы, посвященной Александру Блоку.

Между тем, личность этого поэта, с его своеобразной и сложной психической структурой, давно ждет своего исследователя.

О Блоке имеется довольно изрядная литература, дающая возможность сделать в этом направлении очень многое. Правда, некоторые ценные и важные данные о некоторых периодах его жизни до сих пор еще не опубликованы (например, Дневник Блока за период 1903—1904 г.) Все-таки то, что есть в литературном материале о Блоке, дает возможность набросать в общих чертах канву его будущей патографии.

Прежде чем перейти к такому освещению личности Блока, остановим наше внимание на данных о его наследственности.

Предки поэта—выходцы из Мекленбурга—немцы. Прапрадед—Иоганн фон-Блок, врач времен Елизаветы, прибыл в Россию в 1755 г., был литератором.

Дед поэта—Лев Алекс.—правовед, был душевно-больным, окончил жизнь в психиатрической больнице.

Первый сын его—Петр—играл на скрипке, адвокат; другой сын—Иван—юрист, музыкант, играл на виолончели; дочь Ольга, также музыкальна, играла на рояле.

Отец поэта, Александр Львович Блок, профессор государственного права, написал несколько научных работ. По мнению самого поэта, это был человек неуравновешенный. Бекетова рисует его как деспота, демона с тяжелым характером, он держал свою жену впроголодь, бил ее; это послужило причиной их развода через год после женитьбы. Плюшкинская скупость уживалась в нем с отсутствием расчетливости: не жалея деньги на самые дорогие билеты в театр, он заставлял голодать жену.

Александр Львович был в то же время выдающимся музыкантом и тонким стилистом; по мнению Бекетовой, поэт унаследовал от отца эту музыкальность, которая проявилась в его стихах.

Интересно, что отец поэта 20 лет трудился над работой — «Классификация наук».

Нам придется более подробно остановиться на характеристике и биографии матери поэта, ибо это чрезвычайно важно для обрисовки патографического облика А. Блока,

Отец ее—А. Н. Бекетов—профессор, затем ректор Петербургского унив., ботаник. Умер, разбитый параличем—гемиплегия с афазией.

Бабушка поэта (со стороны матери) была выдающейся женщиной, очень способной; талантливо переводила, писала стихи, способная музыкантша.

Одна дочь—М. А.—была душевно-больной, лежала в психиатрической больнице.

Мать поэта в детстве была очень нервной, истеричной и капризной, нередко находили на нее припадки буйной злобы. С 14-ти лет начала писать стихи и продолжала их писать всю жизнь; в 15 л. самым заветным для нее были религия и литература. В это время у нее начались „прозрения“: увидев однажды утопленника, она была охвачена мистическим ужасом; такие приступы мистического ужаса у нее повторялись несколько раз. Вспоминая свою сестру в это время, Бекетова пишет: „она злилась, как хищный зверь, на нее нападала истерическая раздражительность“. В 16 лет в ней проснулась пламенная религиозность; она часто посещала церковь, горячо молилась и постилась; нужно отметить, что родители ее были совершенно нерелигиозны.

18-ти лет А. А. вышла замуж и, как мы уже сказали, через год развелась с жестоким мужем.

В возрасте 30-ти лет, по словам Бекетовой, она начала страдать эпилептическими припадками, которые с каждым годом учащались. Об этих припадках Блок часто пишет в своем дневнике. Бекетова отмечает огромное сходство поэта со своей матерью: оба они отличались повышенной впечатлительностью, нежностью, были страстны, крайне нервны, склонны к мистицизму и философскому углублению житейских явлений; к общим чертам относятся: щедрость, искренность, склонность к анализу и исканию правды. Те же капризы и неровности характера, которые мы отметим у сына, были свойственны и ей. Но в то время, как сын тайл свои мысли и чувства в себе и изливал их лишь в стихах, мать была экспансивна и всегда чувствовала непреодолимую потребность говорить.

В 1896 году мрачное настроение матери приняло угрожающие размеры, эпилептические припадки—большие и *petit mal*—учащаются; припадки кончались мучительным состоянием безысходной тоски и оторванности от внешнего мира. Приливы безысходной тоски в междупринадочный период усиливались, сменялись бурными порывами, жаждой бунта.

Поэт, по словам Бекетовой, перенял это от матери.

„И неужели было бы лучше, еслиб она передала ему только ясность и спокойствие? Тогда Блок не был бы Блоком, и его поэзия потеряла бы свой острый трагический характер“, пишет Бекетова тетьа поэта. Как видим, совершенно бессознательная эвропатологическая истина в устах столь близкого поэту человека.

Три раза мать поэта покушалась на самоубийство, религиозность ее стала фанатической, что отражается в ее стихах. Ее не удовлетворяла обычная религия: она искала новых путей, везде видела тайну и мистические влияния, верила в потусторонний мир. Она всем проповедывала свои идеи, стала деспотической и агрессивной. Бекетова считала свою сестру в этот период душевно-больной. Мать поэта умерла через 1½ года после смерти сына от инсульта с гемиплегией и афазией.

Александр Александрович Блок родился 16 ноября 1880 года. Первый месяц кормила мать, затем был отнят от груди из-за ее слабости. Поздно начал ходить и говорить. В возрасте 2—3 лет поэт был здоровым ребенком, но очень нервен и беспокойен. С раннего детства очень капризен: бывало, усядется на тротуар во время прогулки и дальше долго не идет. Порывы веселого смеха и причуд сменялись у него капризами и вспышками гнева.

Бекетова пишет: „С раннего детства Александр обнаруживал нервность, легко возбуждался, вдруг делался раздражительным, но болезненных признаков пока еще не было“. Бекетова объясняет нервность поэта тем, что родители были очень нервные. У поэта в этом возрасте были безотчетные страхи. В 4 года поэт перенес эксудативный плеврит. Читать научился в 5 лет и с этого же года стал сочинять стихи, коротенькие рассказы и ребусы

Рисуя характер поэта в возрасте 7-ми лет, Бекетова пишет: „Уже с 7-ми лет отмечается особая замкнутость Саши. Он не любил много разговаривать. Уже отмечались гордость и прямотушие“.

10-ти лет Блок поступил в гимназию, где учился 8 лет. Учился неважно, очень трудно давалась математика, по литературе также больших успехов не оказывал. Любимым занятием были чтение и игры.

В 13 лет начал издавать с товарищем рукописный журнал „Вестник“; написал сам книгу, где поместил рассказ „Сон“ и 2 лирических стихотворения. Через год — новых 5 стихов.

Первое увлечение Блока произошло в 16 лет, когда он сопровождал свою больную мать в Наугейм. Он очень тяжело переживал свою любовь, очень мучился и страдал, так что мать очень волновалась за него.

Вот стихотворение Блока, посвященное первой любви:

„Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лептою алой, как кровь“.

Очень интересна анкета, составленная про себя поэтом, гимназистом 17-ти лет.

1. Главная черта характера — нерешительность.
2. Что я предпочитаю в мужчине — ум.
3. Что в женщине — красоту.

4. Мое любимое качество—ум и хитрость.
5. Мой главный недостаток—слабость характера.
6. Мое любимое занятие—театр.
7. Мой идеал счастья—непостоянство.
8. Что было бы для меня величайшим несчастьем—однообразие во всем.
9. Кем хотел бы быть—артистом.
10. Каким свойством хотел бы обладать—силой воли.
11. Каким образом желал бы умереть—на сцене от разрыва сердца.

Кончил гимназию в 18 лет; выглядел очень моложавым—лет 16-ти; до конца своей жизни (41 год) Блок имел очень моложавый вид. Бекетова так описывает внешность поэта в этот период: „Саша был очень хорош: матовый цвет лица, нышно золотые кудри, светлые выпуклые глаза, подернутые мечтательной грустью. Облик его был исполнен врожденного изящества и благородства“. Одни сравнивали его с Аполлоном, другие с Байроном.

Эпилептический припадок у Блока произошел в возрасте 16-ти лет. Вот как об этом рассказывает поэт Пяст, друг Блока: однажды, ведя беседу о любимом писателе Блока—Достоевском, Пяст спросил не было ли у Блока таких припадков, как у Достоевского; поэт признался, что, когда ему было 16 лет, он однажды за чтением вдруг ушел на пол без сознания, вскоре вошла мать, и Блок очнулся. Александр Ал. признает у себя наличие моментов экстаза; он так описывает экстаз: „рождается из тоски, а кончается просветлением, в начале тоска, а потом радость“. Поэт сравнивает свое состояние с состоянием „Идиота“ Достоевского, когда тот целый день видит перед собой какие-то глаза, и с состоянием перед припадком падучей.

Таким образом, мы можем отметить у Блока, помимо эпилептического припадков, приступы психических эквивалентов.

18-ти лет поэт поступил на юридический факультет, где пробыл до 1901 года. В воспоминаниях студентов поэт рисуется очень замкнутым, туго сближавшимся. Университет вообще не оказал никакого влияния на поэта. Он весь поглощен стихами.

В 902 году его уж начали печатать. К концу этого года появились 10 стихотворений под названием „Стихи о Прекрасной Даме“. Стихи написаны под настроением мистической любви к своей будущей жене—Любови Дмитриевне Менделеевой.

В „Стихах о Прекрасной Даме“—мечта о вечной женственности, сходящей с неба на землю. Вечная женственность, это—дева Мария. Душа мира—чистая девушка. Создают впечатление таинственной сказки тихая восторженность, мистическая влюбленность, смутно-дремотное восприятие мира:

„Моя сказка никем не разгадана,

И тому, кто приблизится к ней,

Станет душно от синего ладана,
От узорных лампадных теней“.

С первых же шагов настоящего оригинального творчества Блока наметилось в его стихах острое *мистическое религиозное переживание поэта*.

В „Прекрасной Даме“ мы видим это тяжелое настроение, полное печали и тоски; мистическая „даль“, „неясные призраки“ уже овладели душой поэта. Нужно отметить, что Блок сам неоднократно заявлял, что все его стихи с 1898 г. это его автобиография. В 1901 г. Блок перешел на филологический факультет—славяно-русское отделение.

Через 2 года поэт женился на дочери Менделеева. В предисловии к дневнику Блока за 911-13 г.г. издатели пишут, что I том — дневник 903—04 г.г.—не может пока быть издан, ибо он касается интимной жизни Блока и его жены, очень тяжелой страницы жизни поэта. Об этой тяжелой трагедии поэта вскользь, не говоря точно, упоминают многие биографы. В одном месте своего дневника, Блок вскользь раскрывает свои сексуальные переживания.

Из дневника поэта:

10/XI 1911 года: „Был у Дризена, читал Волковский. Ночь глухая, около 12-ти вышел. Ресторан и вино. Лихач. Варьетэ. Акробатка выходит. Я умоляю ее ехать. Летим, ночь зияет. Я вне себя. Она закрывает рот рукой всю ночь. *Я рву ее кружева и батист. Часы с нею мучительны, бесплодны¹⁾*. *Я отвожу ее назад. Эту женщину я, вероятно, не увижу больше, и не надо видеть, ни мне, ни ей не приятно... Жить на свете и страшно и прекрасно“.*

Бекетова пишет, что Блок совершенно открыто афишировал то, что принято замалчивать в семейной жизни.

Через несколько лет после женитьбы у Блоков родился сын. вскоре умерший.

Со свойственной ему страстью и тоской Блок посвящает сыну мистическо-религиозное стихотворение:

„Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвенно предам.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.
Но быть коленнопреклонным,
Тебя благодарить, скорбя?
Нет. Над младенцем, над блаженным
Скорбеть я буду без тебя“.

Больше детей у Блока не было.

Окончил университет в 1906 году.

В ближайшие годы им написаны известные вещи—„Нечаянная Радость“, «Лирические Драмы» и т. д.

¹⁾ Курсив мой—Я. М.

Первую революцию — 905-06 г.г. Блок встретил восторженно, но, опять-таки, переломив все через призму мистики: он видит образы „развертывающегося хаоса“, „предвестие конца мира“.

Скоро наступает реакция, Блок разочарован: пишет, обращаясь к мечанству:

«Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией купей,
А рот у поэта—всемирный запой
И мало ему конституций“.

В этот период поэт увлекается театром, Мейерхольдом, Комиссаржевской. Пяст называет его настроение в этот период трагическим.

Сойдясь с мистически настроенными Андреем Белым и др., он углубил свое мистически-религиозное настроение.

В стихах он все чаще и чаще говорит о гибели мира, о грядущей катастрофе.

„Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
И буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной трезной“.
„Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь желанием смерти горя“.
„Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть“.

В 1911 году у поэта наступает период разочарования в своих мечтах и ожиданиях.

Врач констатирует у поэта резкую неврастению и лечит его спермином.

В конце 911 г. врач нашел нервы поэта в таком состоянии, что на них «следует обратить внимание».

У Блока появляется сильная длительная тоска, начинается период запоя.

В дневнике мы читаем:

28/V 1911 г.: „Боюсь жизни, улицы, всего, страшно остаться одному“.

6/VI „ : „Утром работал хорошо, потом закатился...
питб“.

8/VI „ : „Все еще Katzenjammer. Работал утро. Одна надежда—оправлюсь. Пока боюсь проклятой жизни. Может, пройдет скоро эта мерзкая тоска жизни“.

18/VI „ : „Я болен, нервы расшатаны“.

29/X „ : „Вчера и третьего дня—дни рассеяния собственных сил (*пьянство*). Вечером изныл от усталости. Вино сказалось“.

6/XI „ : „*Опять 2 безумных дня*. Пил в „Тироле“.

10/XI „ : „Ночам нет конца, весь мир полон ночи“.

- 15/XI 1912 г.: „Брожу с нервами, напряженными и замученными“.
- 3/XII „ : „У мамы вчера был припадок“.
- 14/XII „ : „Третьего дня у мамы опять был припадок“.
- 20/XII „ : „Я почти уж болен от злости, от нервов“.
- 25/XII „ : „У мамы был припадок“.
- 10/I 1913 г.: „Жестко мне, тупо, холодно, тяжело.“
- 7/II „ : „У мамы был припадок.“
- 14/II „ : „Дни все скучнее и тяжелее.“
- 17/III „ : „За эти дни тревога перешла в тоску, изменился, ахатня“.
- 27/III „ : „У мамы припадок“.
- 30/III „ : „Дни невыразимой тоски“.
- 9/IV „ : „Бездонная тоска“ и т. д.

В стихах он пишет:

«По вечерам над ресторанами
горячий воздух дик и глух,
и правит окриками пьяными
весенний и тлетворный дух».

Поэт живет как во сне. Тоска и вино.

«И мир... он страшен для меня.

И ритм души потерял»

Мир кажется Блоку тихо трагическим маскарадом, танцем масок:

(из «Снежная маска») «Тайно сердце просит гибели

Весны не будет и не надо».

«Крещеньем третьим будет смерть».

До 1916 г. в личной жизни поэта ничего особенного; продолжается мистическое настроение, *тоска и пьянство*.

Войну Блок принял по-своему, как поэт и мистик:

«Что-же человек? За ревом стали,
в огне, в пороховом дыму,
какие огненные дали
открылись сердцу твоему».

«Рев стали» и пороховой дым открывают «огненные дали». Февральская революция застала поэта на фронте, так как он был мобилизован в 916 г. Вернувшись в Петербург, стал бродить по улицам; он пишет: «Грозное, захватывающее дух и страшно веселое, хедишь по городу, как во сне».

Но, воспламененный нафосом февральской революции, Блок скоро разочаровывается наступившими буднями. Наступила Октябрьская революция. Вот как Бекетова описывает переживание поэта: «ему казалось, что мир действительно рушится, и на смену должно явиться нечто новое и прекрасное. Он ходил молодой и веселый, бодрый, с сияющими глазами и прислушивался «к музыке революции».

Мы знаем, действительно, что романтик Блок, поэт—мистик, воспринял революцию как скрябинскую симфонию.

В январе 1918 г. появилось его произведение «12».

Революционная выюга бушует по улицам северной столицы. На улице представители старого мира—поп, барыня, обыватель, капиталист. Но вот появляются 12 красногвардейцев: «в зубах цыгарка, примят картуз, на спину бы надо бубновый туз». Но интересный, ярко рисующий всю глубину мистически-религиозного начала блоковской психики, факт: красногвардейцы «с ангельскими крыльями за плечами» и
«в белом венчике из роз
впереди—Исус христос».

«Когда я кончил, пишет Блок, я сам удивился: почему же Исус христос? Неужели христос? Но чем больше я вглядывался, тем явственнее я видел христа». Когда сожгли имение Блока, Шахматово, с библиотекой и семейным архивом, он сказал: «поэт ничего не должен иметь, так надо». Интересно, что еще в дневнике 1912 г. он высказывает толстовские желанья отказа от культуры».

Скоро наступает разочарование буднями. «К концу 18-го года Блок болезненно сжался и потемнел. Приступила к сердцу беззвездная тоска», пишет Бекетова. В это время он вместе с Андреем Белым и др. организует Вольную Философскую Ассоциацию («Вольфил»), где читаются доклады на мистические и религиозные темы; читает Блок, А. Белый и т. д.

С 1918 г. творчество Блока обрывается. Поэт делается замкнутым, им все больше овладевает тоска и мрачность, появляются признаки тяжелой болезни. Врач Пекелись, лечивший Блока, был поражен сходством болезни поэта с болезнью его матери. Мы помним эпилепсию у матери Блока, прогрессирующее эпилептическое изменение ее личности.

В апреле 1921 года поэт уже тяжело болен: начал «омрачаться его рассудок», пишет Цинговатов.

В это же время приступы грудной жабы.

В таком состоянии Александр Блок скончался 7/VIII 1921 года.

Итак, резюмируя жизнь и творчество Блока в свете нашего патографического очерка, мы должны отметить:

Блок унаследовал от своего отца, как одаренность—музыкальную и, отчасти, литературную,—так и психопатические шизоидные черты.

От матери—свой поэтический талант и эпилептическую конституцию. Мы отметили у матери все черты психики поэта: нервный и капризный характер, приступы гнева; в 15 лет она стала религиозной, мистически настроенной; склонность к философскому углублению жизни, к исканию новой религии и правды жизни. С развитием болезни, припадков, мистическое настроение и фанатизм усиливаются, она делается агрессивной,

несколько раз покушается на самоубийство. Эпилептическая психика отражается в ее мистически-религиозных стихах.

Сам поэт уже с детства нервный и капризный с внезапными вспышками гнева.

Но, в отличие от матери, у поэта очень рано выявляется шизоидный элемент его личности, унаследованный от отца: Блок замкнут, мало говорит, все свои переживания изливает лишь в стихах, которые стал писать с 5-ти лет.

В 16 у поэта эпилептический припадок, за тем отмечаются приступы «экстаза» (психоэпилепсия), которые сам поэт сравнивает с состоянием эпилептиков—героев Достоевского.

Физическая конституция поэта соответствует эпилептической личности: диспластик геногенитального типа.

С самого начала творчество поэта принимает мистически-религиозное направление.

Преобладающий мотив его стихов—таинственные дали, чувство гибели мира, грядущей катастрофы.

„Романтизм Блока всегда был больным“, пишет известный литературный критик, П. С. Коган: „в его поэзии всегда звучало мятущееся отчаяние“. Это мистическое настроение отразилось и на его восприятии всех жизненных явлений: смерти ребенка, войны и революции.

Моменты разочарования сопровождаются длительным запоем и безнадежной тоской. В последние годы мрачное, депрессивное состояние резко усиливается и заканчивается ясно выраженной душевной болезнью перед смертью.

История творчества Блока,—пишет Цинговатов,—есть история его болезни. Сам поэт считает все свои стихи с 1898 г.—автобиографией.

На основании изложенного, мы считаем, что Блок страдал эпилепсией, гл. обр., в форме психо-эпилепсии. Шизоидный элемент личности, отмеченный еще с детства, к концу жизни проявился ярче; последние годы Блок стал очень замкнутым, апатичным и угрюмым. Эти шизоидные черты отразились и на символическом характере творчества поэта.

В своей патографии Л. Толстого д-р Г. В. Сегалин, автор европатологической теории творчества, сравнивая гениальных эпилептиков—Достоевского, Толстого и Магомета—говорит: „у всех у них один и тот же генезис мистической концепции внешнего мира—их эпилептическое страдание“.

К плеяде гениальных эпилептиков—Чайковский, Эдгар Поэ, Толстой, Достоевский, Байрон, Мюссэ, Дантэ и т. д.—мы присоединяем великого русского поэта символиста—Александра Александровича Блока.

Л и т е р а т у р а.

Дневник А. Блока 1911-1913 г. г.

Письма А. Блока к друзьям.

Письма А. Блока к родным.

Бекетова: Воспоминания о Блоке.

„ : А. Блок и его мать.

Цинговатов: Жизнь и творчество А. Блока.

И. Гроссман-Рошин: Александр Блок.— „На литературном посту“ № 3 1928 г.

Е. Ф. Никитина и С. В. Шувалов: Поэтическое искусство Блока.

П. С. Коган: А. Блок.

Д-р Г. В. Сегалия: Патография Л. Толстого.— «Клинический архив гениальности и одаренности» № 1 1925 г.

Депрессия Тургенева в свете психоанализа.

Д-ра Г. И. Плессо (Свердловск).

Психоанализ, как метод научного исследования, давно уже проник за пределы медицины. Особенно успешно он завоевывает позиции в изучении художественного творчества, а также и личности художника.

К настоящему времени существует уже целый ряд оригинальных работ психоаналитиков, которые ведут нас к разгадке патологических механизмов творчества.

Работы эти не только прекраснейшим образом вскрывают эту своеобразную патологию, создающую величайшие художественные ценности, но и раскрывают самые механизмы творчества, до сих пор еще не бывшие известными.

Эвропатология, поэтому, должна интересоваться этим методом, потому что психоаналитический метод не только не противоречит основным положениям европатологии, но он гармонически дополняет последние.

Исходя из этих соображений, мы делаем попытку психоаналитически выяснить, с одной стороны, некоторые психопатологические особенности в личности Тургенева, с другой — подойти к разрешению вопроса о зависимости его творчества от некоторых психотических элементов его личности.

Отметим однако, что данная работа не может претендовать на подробное психоаналитическое исследование личности Тургенева.

Также необходимо отметить, что мы не стремимся здесь подогнать под определенные клинические рамки то психическое состояние, которое найдем у И. С.

Мы только хотим здесь отметить те несомненно психопатические черты, которые бросаются в глаза особенно резко: мы берем здесь для анализа те отдельные симптомы, которые занимают господствующее положение в его личности.

Тот, кто исследовал биографический материал Тургенева заметит одно невольно поражающее свойство личности И. С.

Для всех биографов и критиков резко бросается в глаза депрессия Тургенева и меланхоличность его натуры: вечная необъяснимая печаль и неудовлетворенность собой, неуверенность в себе и в своих способностях, вечная мнительность и стремление к чему-то неопределенному, красному, блестящему.

Другая замечательная черта в психике Тургенева, это—неприспособленность к реальной жизни, а отсюда нелюбовь к ней и бегство в фантазию. „Ни малейшей хозяйственной жилки в Тургеневе не было... он сам то и дело называл себя безалабернейшим из русских помещиков“ (Соловьев).

Сам Тургенев, глядя на реальность критическими глазами, говорит: „Теперь не нужно ни особых талантов, ни даже особенного ума—ничего крупного выдающегося, слишком индивидуального—нужно трудолюбие, терпение. Нужно уметь жертвовать собой без всякого блеска и треска...“ И далее: „мы только вступаем в полосу полезных людей, и это будут лучшие люди. Их, вероятно, будет много; красивых, пленительных мало“.

Он понимает, что реальная жизнь, это жизнь обыкновенных заурядных людей и чтоб жить этой реальной жизнью, надо быть этим „полезным человеком“, и только, но его это не удовлетворяет, его не интересуют только „полезные люди“, ему нужны красивые пленительные Рудины, а этот последний—„порыв—вот сфера, где он чувствует себя, как рыба в воде; слово—вот орудие, в пользовании которым он не знает себе равного. Он чувствует инстинктивное отвращение ко всему, что напоминает упорную воловью работу“.

Его руки скоро устают, сердце скоро охладевает, нервы утомляются, он быстро переходит от восторга к меланхолии. Он готов умереть за свои убеждения... у него орлиное сердце, орлиный ум, но крохотные слабые крылья“.

„В характере Рудина есть много, что напоминает Тургенева.

„Несомненное рыцарство и не особенно высокое тщеславие, идеализм и склонность к меланхолии. огромный ум и падломленная воля—разве это не автор „Отцов и детей?“ (Соловьев).

Это бегство в фантазию, эта меланхолия, эта тоска по неведомому идеалу действительно стержень всего его творчества. — Печаль была его спутницей до того верной, до того неразлучной, что критики не раз указывали на нее, как на главный элемент творчества“ (Орловский).

Все это изложенное является характерным свойством невротика. Гнетущая реальность, с которой он не может справиться и которая ему приносит столько огорчений и разочарований, заставляет его бежать от нее в мир, лишенный этих недостатков, где все желания и стремления легко удовлетворяются. И мир фантазий становится его родной стихией.

В его жизни бывали моменты, когда он был охвачен самой черной меланхолией, выходящей за пределы нормальности.

Так, например, нам известно, что Тургенев неоднократно хотел отказаться от литературной деятельности, желание, которое можно объяснить лишь его особенной депрессией, мнительностью.

„Это все вздор, писал он в 1857 г. Боткину,—таланта с особенной физиономией и цельностью у меня нет: были поэтические струнки, да они прозвучали и отзвучали, повторяться не хочется. Вотставку! Это... плод медленно созревшего убеждения“. Какой трагизм чувствуется в этих словах! Какой безысходностью и безнадежностью веет от этих слов, как будто человек умер заживо и ничего у него нет позади, полная беспросветность впереди; нет ни надежды, ни веры в себя.

В этот момент он способен считать себя самым плохим человеком, ничего не могущим сделать ни для себя, ни для людей, и совершенно понятно, что такая недооценка себя, такой пессимизм в отношении своих способностей, не соответствовал реальному положению вещей. Ибо к этому времени он, как писатель, был известен уже за пределами России.

Однако его известность не мешала ему повторять излюбленную фразу—«Я человек конченный».

«Он любил славу, горячо дорожил ею, но никогда не мог верить в нее вполне; ему постоянно казалось, что публика его не любит, молодежь презирает» (Е. Соловьев).

И сам Тургенев жалуется безнадежно меланхолическим тоном: „Не привидение, не фантастические подземные силы страшны, а сознание, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелка, не интересна и нищенски плоска“ (Андреевский о Тургеневе).

Это свое состояние он проецирует и в своем творчестве: „Я принадлежу к числу людей,—говорит рассказчик повести А. Колосов,—которые, любят размышлять о собственных ощущениях, хотя сам терпеть не могу таких людей“.

Точь-в-точь как Тургенев—комментирует эту цитату Гершензон... «Его мучит мысль, что он нелюбим и т. д., во-вторых, его радует доверчивость Вари, он любит как-то рабски жалко, лицемерно, мизерно, и когда наступает время порвать с девушкой, он делает это некрасиво, с ложью и трусостью. Но истине,—заключает автор,—в лице этого рассказчика Тургенев не пощадил себя». Тургенев человек с раздвоенной душой, выживший из природного строя.

Ему трудно вывести этот взгляд «вечной Изиды». В его сердце проникает неотразимое чувство одиночества, своей слабости и ничтожности и его сердце шкелет и замирает в ощущении непрестанной близости смерти.

Погруженный в созерцание хмурого бора полевья, писатель чувствует будто он падает в темную глубь, где все стихает, слышится только подавленный стои, непрестанный стои, какой-то вечной скорби.

После этого, совершенно естественно возникает вопрос, чем же объясняется эта вечная скорбь, меланхолия; эта вечная неудовлетворенность настоящим и стремление к чему-то неизвестному, о чем и сам он не знает. Тот же Соловьев по этому поводу вопрошает.—«Кто же и что же виноваты?» И отве-

част: «что-то общее, таинственное и, если не бояться слов, — пожалуй, мистическое»

Понятно, что такой ответ не является ответом: он только затуманивает его.

Ответ ясный и точный может дать в данном случае психопатология. Но может быть эта тургеневская депрессия есть нормальная реакция нормальных переживаний, и тогда не может быть речи ни о какой патологии? Чтобы ответить на этот вопрос напомним, что такое возражение может быть основано лишь на смешении понятий—печаль и меланхолия.

Разница в этих понятиях состоит в том, что печаль рассматривается как явление нормальной психики и обуславливается потерей объекта влечения.

Состояние нормальной печали „не кажется нам патологическим, только потому, что мы умеем его хорошо объяснить“ — говорит Фрейд. Меланхолия же принадлежит исключительно к явлениям патологического порядка, потому что она для переживающего субъекта не может быть объяснена.

Психо-анализ меланхолии показал ее связь с потерей объекта влечения, которая каким-то образом делается недоступной сознанию, в отличие от печали, при которой в потере объекта влечения нет ничего бессознательного.

Таким образом, сходство и разница печали и меланхолии состоят в том, что при обоих состояниях утерян объект влечения, но при печали переживающий субъект знает об этом утраченном объекте влечения, т.е. он знает о чем грустит, при меланхолии же, напротив, субъект *не знает* о причине своей грусти.

У меланхолика Фрейд отмечает еще одну особенность — «при печали обеднел и опустел мир, при меланхолии—само «Я». Больной рисует нам свое «Я» недостойным, ни к чему не годным, заслуживающим морального осуждения,—он делает себе упреки, бранит себя и ждет отвержения и наказания».

Если печаль в изложенном смысле является нормальной реакцией на потерю объекта влечения и если меланхолия реакция патологическая, то совершенно понятно, что дело касается в данном случае не печали, т.е. не нормальной кратковременной реакции на потерю объекта влечения, а чего-то иного, что не может быть объяснено реальным соотношением вещей внешнего мира.

В самом деле разве нормально то явление, когда И. С. в принадлежности меланхоличности хочет бросить литературную деятельность в то время, когда все говорит против; или нормально ли это самобичевание, самоунижение в то время, когда он уже пользовался заслуженной мировой славой?

Понятно, что подобное явление никак нельзя согласовать с объективностью, это, попросту говоря, не поддается здравому уразумению. Понятно, что в данном случае мы имеем дело с меланхолией.

Выше мы указали на разницу нормальной печали и меланхолии, которая в конечном счете сводится к тому, каково отношение психики к объекту влечения: сознательное или бессознательное.

Кроме того, существенная разница состоит также и в том, что печаль с истечением времени, под влиянием определенных психических сил, проходит постепенно, не превращаясь в противоположный аффект, между тем, как меланхолия, почти всегда сменяется своей противоположностью—манией—и только редко без этой последней.

Фрейд говорит, что в меланхолии объект влечения одержал победу над «Я», а в мании, наоборот—„Я“ преодолело потерю объекта влечения и, так сказать, торжествует победу.

Здесь уместно было бы сказать о принципе однополюсной траты энергии проф. Корпилова.

В самом деле этот закон обнаруживает себя в данном случае. Минимум траты энергии на моторном полюсе (по этой теории) дает максимум на полюсе интеллектуальном. Этот закон, не противоречит и фрейдовской интерпретации.

Процесс перехода меланхолической фазы в маниакальную Фрейд представляет себе так: как при печали, так и при меланхолии либидо (влечение) отнимается от внешнего мира и от собственного «Я» и фиксируется на утраченном объекте, т.е.: вся психическая энергия концентрируется в одном пункте. И когда „Я“ снова возвращает либидо (влечение) от утраченного объекта к себе и внешнему миру обратно, скопившаяся в большом количестве энергия снова может быть употреблена в самых разнообразных направлениях.

Обычная радость в этом отношении является прототипом мании, так, например если человек ведет долгую и мучительную борьбу, которая в конце концов увенчивается успехом, то энергия, которая была фиксирована на конечном объекте борьбы, по достижении этого конца, освобождается и продолжается некоторое время, когда представляется возможность расходовать энергию в самых разнообразных направлениях, т.е. фиксировать ее на самых разнообразных объектах.

Радость представляет собой то состояние психики, когда фиксация на новых объектах еще не произошла, а от старых уже освободилась. Иначе говоря, при радости разряд энергии происходит внутри организма в моторно-вегетативно-сосудистых проявлениях.

Точно такой же процесс и при переходе меланхолии в манию: сконцентрированная энергия на одном полюсе освобождается и устремляется на другой полюс, а именно на моторный по преимуществу, и тогда происходит двигательный разряд энергии. Но возможен и другой ход разряда меланхолической энергии, подобно тому как, напр., при печали. В этом случае после прекращения печали не бывает ее противоположности, т.е. эйфории.

Это повидимому объясняется тем, что сконцентрированная энергия не сразу освобождается, а постепенно, и к концу пещали ее уже свободной не остается. Как будто бы „Я“ от потерянного объекта берет не все либидо сразу, а постепенно и тотчас же эти части освобожденного либидо фиксирует на других объектах.

Как было выше уже сказано, при меланхолии переживающий субъект ничего не знает о причине своей скорби, для него неизвестно, какой объект он потерял. Но помимо этого имеются и еще признаки этой меланхолии. „В картине болезни меланхолической,—говорит Фрейд,—выступает на первый план в сравнении с другими жалобами нравственное недовольство собой... Больной рисует нам свое я недостойным, ни к чему не годным, заслуживающим морального осуждения... Прежде всего, из этого видно, как одна часть „Я“ противопоставляется другой, производит критическую оценку ее, делает ее как бы посторонним объектом, т.-е. происходит типичная раздвоенность личности“.

Вот такое-то состояние раздвоенности проходит красной нитью в личности. И. С. и у его героев.

Мы можем себя спросить: действительно ли эти самоупреки и недовольство собой у меланхолика не имеют никакой почвы под собой? На это можно ответить утвердительно. В каком-то отношении больной прав, возводя на себя эти упреки и обвинения, но только это явление есть результат внутренней не известной нам работы.

Фрейд утверждает, что если внимательно выслушать больных, то окажется—все эти упреки очень мало похожи на упреки самому себе и легко применимы к какомунибудь другому лицу, которое больной любил, любит, или должен был любить; на это лицо, следовательно, когда-то было направлено все либидо, но под влиянием разочарования или реального огорчения со стороны любимого лица, наступило нарушение этой привязанности к объекту.

Следствием этого явилось ненормальное отнятие либидо больного от объекта и возвращение этого либидо к „Я“, так как „Я“ отождествилось с потерянным объектом, и, таким образом, потеря объекта превращается в потерю „Я“ (раздвоенность, самоунижение).

О. Rank полагает, что этот процесс может произойти лишь на нарциссической основе.

Либидо на пути к овладению объектом встречает непреодолимое препятствие. В силу этого, оно отворачивается от объекта влечения и переносится на само „Я“ путем идентификации его с объектом. Тогда объект находится уже как бы в самом „Я“. Само „Я“, благодаря процессу идентификации, превращается в объект, и упреки, которые должны бы быть направлены против объекта, теперь направляются против собственной личности.

Все эти теоретические рассуждения заставляют нас указать на некоторые факты из жизни И. С. которыми эти рассуждения подтверждаются.

Прежде всего резко бросается в глаза сексуальная жизнь И. С. Известно, что Т-в на всю жизнь остался холостяком, приютившись „с краю чужого гнезда“, как он говорит сам.

Гревс в своей „Истории одной любви“, задаваясь вопросом о том, могли ли быть взаимоотношения Т-ва и Виардо как мужа с женой, говорит: „Получается не совсем вяжущееся с естественными чувствами людей сожителство втроем... На каких моральных началах оно сложилось?—При каком-то странном приятельстве Тургенева с мужем любимой женщины, живящемся на общих охотничьих увлечениях, что-то не хорошо“.

И действительно, казалось бы все реальные условия заставляли отказаться от этой ненормальной „любви втроем“.

Но несмотря на это Тургенев все-таки продолжает „лепить на краю чужого гнезда“ до самой смерти; любовь втроем продолжалась всю жизнь.

Изучение жизни И. С. и отношений его к Виардо дает основание Гревсу заключить, что фактических отношений как супругов между ними не было. Версия о том, что одна из дочерей Виардо дочь И. С., Гревсом отвергается на основании целого ряда фактов. Это обстоятельство дает право автору говорить—„ясно одно, что то было в существе безупречное, чистое чувство, и плотская стихия его тонула в свете духовного солнца“.

Получается впечатление как будто эта любовь, этого юного до смерти человека, была основана на каком-то идеале, о котором и сам, этот вечный юноша, не знает. Эта любовь ради любви, чисто платоническая, и не только, „плотская стихия тонет в свете духовного солнца“, но она несовместима с этой платонической любовью.

Известно, что не только в характере Рудина есть много, что напоминает Т-ва, но и в характере Гамлета Щигровского уезда, а этот последний „в любви любил не предмет страсти, а только процесс любви, любил любить“, как говорит Григорьев. А с этой точки зрения не даром продолжает тот же Григорьев в той же ст. (о Тургеневе) по поводу Гамлета и др. подобных ему тургеневских героев: „поражающее невольное свойство всех лиц упомянутых в первой категории, это — странное назначение быть битыми или по крайней мере странно загланными, второе—подбирать на дороге чужую любовь“. Иначе говоря, и герои Тургенева страдают склонностью „к любви втроем“. И дальше он продолжает: „Павел Бешметов, способен был бы жить как муж со своей женой, даже зная за нею неверности, что для Лаврецкого—невозможно, потому, что он влюбился в идеал, а не в плоть, любил идеал, раз идеал разбилась—разбилась и любовь“.

Таким образом, герои Тургенева, как и он сам, любят ради любви, т. е. они любят не предмет любви, а что-то другое, что именно — хорошенько и сами не знают. Нигде решительно в произведениях не видно, чтобы герой или героиня достигали цели, к которой в конечном счете стремятся каждый процесс любви. Андреевский говорит: «Тургенев нигде... не отдается изображению брачного союза; он его рисует только в проекте или уже в престарелые годы... Его единственная героиня, выходящая замуж за любимого человека — Елена — делается вдовой чуть ли не в медовый месяц... Все исчезают со сцены девушками, и все решительно мужчины малодушно отступают перед этими чудными олицетворениями»...

Характерно также и второе, что бросается в глаза исследователю, это — „все мы... знаем... что есть женщины... вполне дрянные, но их нет в галлерее женских типов Тургенева“ (П. К. Михайловский, из писем постороннего). Так что, это второе свойство Тургенева состоит в том, что его не только „дрянные женщины“ не интересуют, но даже самые обыкновенные, которые в житейском смысле слова являются женщинами вполне хорошими“.

Их он нигде не воспевает, а поет с разными переживаниями о тех, которых „любимый человек, не просто будущий муж и любовник... Нет, за ним стоит нечто большое и светлое (она хорошенько не знает, что), призывающее к деятельности и жертве... хотя бы пожертвовать пришлось даже жизнью... от того-то так безвыходно горько разочарование, например, Маши в „Затишье“ и Наташи в „Рудине“... Необходимым условием влюбленности была неопределенная светлосарность или светлосарная неопределенность идеала женщины. Женщина... дорога Тургеневу, когда преображена чудом любви, она находится в состоянии страстного тяготения к чему-то великому и светлому, но неопределенному, далекому, туманному. Как только этот туман рассеивается, как только женщина выбирает определенный путь, так она или перестает совсем интересоваться нашего художника, или даже становится для него неприятной“ (Михайловский).

Наконец, замечательно также и то обстоятельство, что любовь тургеневских героинь не совсем обычная, а это — „любовь осложненная молитвою — как говорит Овсяник-Куликовский; это совсем особая любовь, к которой способны только такие натуры, как Лиза, — любовь, в которой замешано третье лицо — божество“.

А другой автор как бы продолжает эту мысль, хотя пишет совершенно независимо, и говорит — „всех тургеневских женщин и девушек зовет Васным голосом не Вася, а кто-то другой. Другой позвал Лизу в „Дворянском гнезде“, и она ушла в монастырь, и Елену и Марианну и несчастную Клару Милич — всех. Все отступают с какого-то таинственного рундучка,

таинственной грани, — падают и разбиваются до смерти.“ (Орловский—Русская и иностранная критика о Тургеневе).

„Лукерья... думает, что любит... Васю Полякова... а в действительности любит кого-то другого, давно уже позвавшего ее таинственным голосом“ . (Орловский).

Все эти характерные черты его героинь почти полностью проходят красной нитью через сексуальные проявления И. С. на протяжении всей жизни.

Каждый „предмет“ его увлечения как бы является для него не сексуальным объектом, а каким-то неведомым идеалом. Все женщины, к которым И. С. питал чувство любви, были и должны были быть женщинами в известном смысле необыкновенными. „Его непреодолимо тянуло, как говорит Гревс—к необыкновенным образам талантливых или выдающихся женщин, как графиня Лямберт, отчасти М. А. Маркович, позже редко прекрасная баронесса Гревская и, наконец, искрившаяся драматическим дарованием М. Г. Савина“ .

Кроме того, почти во всех этих случаях идеальной любви было замешано третье пострадавшее лицо, с той разницей, что это было не божество и не таинственное лицо, а лицо вполне реальное. Вот эта-то любовь, воспитанная им в творчестве, и была его любовью, она влекла его как какая-то таинственная сила, но которая никогда, ни в одном случае не доводила до конечных целей любви, ибо там, где начинается реальное осуществление желаний, И. С. это перестает интересоваться и, таким образом, цель остается на всю жизнь недостигнутой.

Интересное замечание по этому поводу Анненкова, где он говорит— „у него не было ни одной любимой женщины, а любил он любовь“... Совсем так, как Гамлет Щигровского уезда.

После этого является вопрос—можем ли мы сказать, что либидо И. С. регрессировало к нарцизму и застряло на этой инфантильной стадии? Несомненно да, ибо изучение фактического материала о Тургеневе—говорит в пользу этого.

Суть нарцизма, как известно, состоит в том, что „Я“ относится к самому себе, как к сексуальному объекту. Объект либидо, как уже говорилось, под влиянием реальных условий, представляющих препятствие, регрессирует на стадию нарцизма (самовлюбленность). Либидо снова обращается на собственное „Я“, замещающее утраченный объект. «Но апаллиз,—говорит Фрейд,—обнаруживает, что у таких больных, тем не менее, вовсе не утрачено эротическое отношение к людям и предметам, оно сохранено у них в области фантазии», т.-е. с одной стороны, реальные объекты заменяются и смешиваются у них с воображаемыми образами, с другой стороны, они не делают никаких усилий для реального достижения своих целей, они, очевидно, в объекте любви ищут самих себя. Шпальдер в своей работе дополняет фрейдовские исследования нарцизма, он говорит— «хотя этот нарцизм относится первоначально только к физическому „Я“, однако он очень скоро переносится с физического

„Я“ на тот духовный образ, который создается индивидом о самом себе, на „Я—идеал“ (Шильдер.— Очерки психиатрии на психоаналитической основе). Вообще же под „Я—идеалом“ психоаналитики понимают—когда индивид под влиянием реальных условий разочаровывается в своих некоторых качествах, потому что эти его качества приносят ему неудовольствие, поэтому он отказывается от этих своих качеств и воспринимает от окружающих его такие, которые ему должны доставлять удовольствие; т.-е. он строит идеальный образ, каким он сам должен быть.

Понятно, что в этом процессе главную роль играют, в первую очередь, родители (маленькая девочка воображает себя матерью, а кукол детьми) и во вторую—воспитатели.

Из этого мы видим, что понимание нарцизма стало гораздо шире, ибо это не только физическая самовлюбленность, как об этом рассказывает старый миф, но и как влюбленность в в тот духовный образ, которым индивид не обладает, а только построил его в фантазии, и к которому стремиться; в образ «Я—идеала».

Отсюда совершенно понятно, что этот образ «Я—идеала» существует постольку, поскольку он недостижим. Ну, а раз этот образ, в который индивид влюбился, недостижим, то может ли быть достигнута цель любви? Очевидно нет.

Отсюда же нам становится понятной и эта любовь ради любви всех тургеневских героев и героинь, а также и любовь его самого.

Отсюда же и вечное томление по семейному счастью и никаких реальных мероприятий к этому.

Сексуальное развитие Тургенева регрессировало на нарцисстическую фазу развития и никогда больше не возвращалось к объекту. Объект для него существовал только в фантастическом идеале, которого он никогда не достиг. Вечной его спутницей в подругой жизни, поэтому, была меланхолия, как выразительница этого нарцизма, как тоска по неосуществимому идеалу.

Отсюда делается понятным для нас как происхождение меланхолии И. С., так и дальнейшая судьба этого патологического симптома. т.-е. делается понятен механизм преодоления меланхолии. Это также открывает нам пути понимания творчества И. С.

Процесс творчества является противоположным полюсом меланхолии. сюда тратится энергия, в мозговых процессах происходит постепенный разряд накопившейся энергии, переходящий в творчество, а не на моторном полюсе, как это бывает при мании.

Невротический симптом по Фрейду составляет компромиссное образование между принципом удовольствия, господствующим в психике (стремлением удовлетворить влечение), и прин-

ципом реальности (невозможность удовлетворения этого влечения в силу реальных условий).

В симптоме больной получает своеобразное удовлетворение. С этой точки зрения можно рассматривать и творчество, как симптом. Здесь своеобразным путём достигается примирение этих двух принципов.

Художник, это—первоначально человек, отвратившийся от действительности, потому что он не в состоянии примириться с требуемым ею отказом от удовлетворения влечений; он открывает простор своим эгоистическим и честолюбивым замыслам в области фантазии. Однако из этого мира фантазии он находят обратный путь в реальность, преображая, благодаря своим особым дарованиям, свои фантазии в новый вид действительности, которая принимается человечеством, как ценное отображение реальности, как творчество.

Таким образом, он становится действительно героем, творцем-любимцем, каким он хотел бы стать, избавляясь от необходимости действительного изменения внешнего мира (Фрейд).

В творчестве стремящееся к наслаждению нарцисстическое «Я» получает свое удовлетворение. В творчестве нарцисстический идеал воплощается в действительность, и, таким образом, отнятое либидо от утерянного объекта и внешнего мира, в создаваемых образах, снова находит объект влечения и внешний реальный мир.

Творчество, это—своего рода эквивалент маниакального приступа, но с той разницей, что при мании освободившаяся энергия влечения от преодоления утерянного объекта остается свободной, она, так сказать, витает и цепляется за всякий попадающийся во внешнем мире объект. Маниаку кажется, что он любит весь мир, и соломинка, которую он поднял с пола, приводит его в восхищение, между тем как в творчестве, энергия от преодоления утерянного объекта фиксируется на строго определенных образах «Я—идеала», воплощенных в реальность в художественном произведении, следствием чего субъект переживает не аффективное переживание непонятого восторга, а чувства понятного удовольствия—наслаждения.

Мысль о превращении меланхолии не в манию, а в творческий порыв, подтверждается мыслью Ив. Иванова (одни из биографов Тургенева). Он говорит: «Тургенев в лице Рудина совершает над собой тот самый суд художника, какой искони совершали писатели: Гете в Вертере и отчасти в Фаусте, Шекспир в трагедиях: «Ромео и Джульетта» и в «Гамлете», Пушкин в «Евгении Онегине». Это — вдохновенные автобиографии, это, по выражению Лермонтова,—муки оторванные от сердца и воплощенные в образы. Гете на самом себе объяснил психологию этого явления. Поэта, постигнутого невзгодой, страстью или тоской, неостановленно преследовало стремление воссоздать в художественном произведении лично пережитое. И раз произведение возникло,

исчезла «сердечная боль и душевная истома» И. Иванов: И. С. Тургенев—жизнь, личность и творчество».

Итак, самая выдающаяся черта личности И. С., это—депрессия и неприспособленность к реальной жизни.

Эта депрессия патологическая, типичная для невротика меланхолическая тоска по нарцисстическому идеалу, накопившаяся в одном пункте энергия, преобразаясь из мира фантазий в мир художественной реальности, расходуется постепенно; либидо понемногу переносится из области фантазии на художественно реальные объекты и на них фиксируется так, что к концу творчества этой художественной реальности не остается свободной энергии несколько. Результатом чего субъективно переживается не эффект радости и не маниакальное или типоманиакальное состояние как противоположность меланхолии, а чувство спокойного удовлетворения. Здесь патологический по существу симптом меланхолии, в силу особых дарований, превращается в творчество, т.-е. отрицательное становится положительным.

Л и т е р а т у р а.

1. Гревс—История одной любви. Москва. 1927.
2. Е. Соловьев—О Тургеневе. Изд. Павленкова.
3. Ив. Иванов—И. С. Тургенев—жизнь, личность и творчество.
4. Сборник о Тургеневе — Русская и иностранная критика. Москва. 1918.
5. Тургеневский кружок—Тургеневский сборник.
6. Шильдер—Очерки психиатрии на психоаналитической основе. Одесса. 1928.
7. Фрейд—Тотем и Табу. Москва, изд. ГИЗ'а.
8. Фрейд—Очерки по психологии сексуальности. Москва, ГИЗ. 1923
9. Фрейд—Основные психологические теории в психоанализе. Изд. ГИЗ. 1923
10. Корнилов—Учение о реакциях человека. Москва. 1923.

August Forel.

Август Форель.

Zum geburtstag am 1 September 1928 г.

Ко дню 80-летия его жизни—1 сентября 1928 г.

Д-ра И. Б. Галант (Москва).

Dr Johann Susmann Galant (Moskau).

Август Форель единственная в своем роде личность в мировой научной литературе. *Форель* великий естествоиспытатель и великий психиатр. Замечательно, что в его личности мы имеем редкий синтез великого естествоиспытателя и не менее великого психиатра, оплодотворившего своим гением необъятные поля науки и знания. Между тем, развитие и жизнь этого гениального ученого протекали в самых обычных условиях, как протекает жизнь многих миллионов заурядных людей, и нам придется разгадать загадку гения *Фореля* не с этой стороны.

Как эвропатологов, нас, прежде всего, интересует наследственность *Фореля*. Вот что *Форель* рассказывает сам про своих предков.

«Мой отец, *Виктор Форель*, уроженец кантона де Во*), имел рост в 1 метр 89 сантиметров, отличался стройностью осанки, был необычайно ловок, обладал острой наблюдательностью; прилежный, весьма скромный в своих потребностях, во всех отношениях gentleman, однако как мыслитель не очень далекий, он всецело находился под влиянием обычных в его среде предубеждений и под таким же сильным влиянием взглядов консервативной его газеты. В нем жил дух противоречия, все же он стремился к хорошему и жил весьма солидно. Воспитанный в духе кальвинизма, он, как мне казалось, внутренне колебался в своей вере. Он был геометром, затем сельским хозяином и умер на 92 году жизни. Он был подобен своим родителям, которые оба были здоровы.

«Моя мать, ур. *Паулина Морен*, из Дьелефита в Южной Франции была, в противоположность моему отцу, глубоко мыслящая, глубоко чувствующая и вдумчивая женщина, но *психопатка*, очень непрактичная, чрезвычайно совестливая,

*) Кантон де Во (Canton de Vaud) один из кантонов Швейцарии с главным городом Лозанна (Lausanne).

почти непормально альтруистична, кальвинистически религиозная. Умерла она на 62 году жизни от последствий тромбоза в мозгу. Ее мать болела душевной болезнью, и одна тетья *Морен*, в противоположность другим тетям, бывшим весьма одаренными, была психически больная. Мой дедушка по матери, *Пьер Морен*, отличался большим умом и пользовался большим уважением.

Итак, мы отмечаем в наследственности *Фореля* хорошо подмеченную *Сегалиным* *) общую, наследственности всех гениальных личностей, черту скрепления одаренности по одной линии с психопатичностью или психотичностью) по другой, скрепления, ведущего потом в потомстве в процессе диссоциации к освобождению гипостатической энергии одаренности от своих тормазов и к соединению с психотическим элементом в новую структурную форму, позволяющую одаренности перейти из латентного состояния в кинетическое **).

Из ранних воспоминаний *Фореля* заслуживает внимания его весьма ранний, как он выражается, «бессознательный социализм». Еще очень молодым юношей он основывает вместе с 7-летним братом и 10-летней сестрой Габриэллею общество обездоленных (*Société des gueux*), направленное против аристократически настроенной старшей сестры Бьянш. Вдохновлялось «общество обездоленных» песней французского поэта *Беранжера*: «*Les gueux*», по образцу которого юноша *Форель* сочинил свою песню обездоленных, о характере которой можно судить по следующей строфе:

Aristocrates, fâchez ingrates.
Affreux bandits qui vous croyez des Dieux;
Tremblez vipères, rentrez sous terre,
Déguepissez—car voici les trois gu ux.

Если в юноше *Фореле* обнаружился в такой «революционной» форме будущий социалист, то в не менее интенсивной, но в несравненно более серьезной форме обнаружился в нем будущий крупный ученый. *Форель* унаследовал от своего отца замечательный дар наблюдения и уже молодым мальчиком начал усердно наблюдать и изучать насекомых, главным образом, муравьев. 11 лет от роду он сделал открытие, касающееся скрытых разбойничьих прав одного небольшого муравья, которое он опубликовал в 1869 г.

В 1874 г. вышла в свет книга *Фореля*: «*Les fourmis de la Suisse*» — «Муравьи Швейцарии» — завоевавшая ему славу великого ученого и величайшего мирмеколога всех времен. Через эту книгу *Форель* сделался известным *Чарльзу Дарвину* и *Бланшару* в Париже. *Дарвин* написал *Форелю* за прекрасную книгу о муравьях благодарственное письмо и подарил

*) Сегалин, Г. В. «Патогенез и биогенез великих людей». «Клин. Арх. Ген. и Одарен.» Т. I вып. I. 1925 г.

**) Сегалин, Г. В. «О гипостатической реакции гениальной одаренности». «Клин. Арх. Гениальн. и Одар.» Т. I. вып. 2. 1925 г.

ему книгу *Бельта*. *Бланшар* же выхлопотал *Форелю* приз *Тора* (Prix Thore). *Форелю* было тогда всего только 26 лет.

В то же время *Форель*, окончивший недавно медицинский факультет и выбравший себе специальностью психиатрию, чтобы избежать необходимости сделаться практическим врачом, с большим успехом совершенствуется в психоневрологии. Он работает ассистентом в Мюнхенской психиатрической клинике под руководством *Гуддена* (Gudden) и *первый* произвел здесь в 1874 г. на большом, усовершенствованном им гудденовском микротоме, 2.000 тонких поперечных разрезов через весь человеческий мозг. Благодаря этим разрезам *Форелю* удалось пролить свет на многие темные стороны в строении человеческого мозга. Скоро *Форель* делается знаменитостью и в этой области. В 1877 г. его почтил своим посещением проф. *Гис* (His) из Лейпцига, а *Дежерин* (Dejérine) именует запуганную до того и разработанную *Форелем* область чепца (Hauben region), *Samrus Fogeli*. В это время *Форель* читает как доцент при Мюнхенском У-те лекции по анатомии мозга.

Неудивительно, если спустя два года, в 1879 г., мы видим *Фореля* директором психиатрической больницы в Цюрихе и профессором психиатрии при Цюрихском университете. За 19 лет своей профессорской деятельности в Цюрихе (1879-1898) *Форель*, благодаря своим научным трудам и общественной деятельностью, делается мировой известностью.

Но самый славный период жизни *Фореля* начинается лишь с окончанием его профессорской деятельности в 1898 г. Если заведывание больницей и академические работы отнимали раньше у *Фореля* лучшее его время, не позволяя ему отдаваться общественной или вернее общечеловеческой работе, то он теперь достаточно свободен, чтобы развить такого рода работу.

Форель развивает свою деятельность в интернациональном, мировом масштабе. Будучи убежденным трезвенником и видя стоящую причину вырождения человечества в алкоголе, он оводит мировую антиалкогольную борьбу, разезжая чуть ли не по всем материкам, произнося бесчисленное множество речей и докладов о вреде алкоголя, образуя везде отделения интернационального общества трезвости т. наз. IOGT—Logen*) и принимает самое деятельное участие в антиалкогольных конгрессах, созываемых время от времени в столицах Европы: в Вене, Гааге и т. д. В 1906 году *Форель* основывает „интернациональный орден этики и культуры“ (IOEK), ведет борьбу со всевозможными сексуальными, моральными и другими предрассудками; в 1909 году основывает „интернациональное общество психологии и психотерапии“ и т. д.

*) IOGT и IOGTN—internationaler neutraler guttemoller Orden, основанные в Швейцарии, Венгрии, Германии, в франко-бельгийском дистрикте в La Chamx de-Fonds, в Вене и т. д.

Эта необычайно бурная кипучая общественная деятельность не лишает *Фореля* возможности писать крупные научные произведения, делающие его имя одним из самых популярных имен в мире. Достаточно указать на его книгу: «Половой вопрос», имевшую и теперь еще имеющую необычайный успех. Объясняется этот успех следующим образом. До книги *Фореля* имелось 3 сорта книг на эту тему: 1. Романы и порнографические произведения с определенной тенденцией раздражать половой инстинкт читателя; 2. Морализирующие книги, которые в пестрой форме представляют все сексуальное, как аморальное; 3. Чисто-научные книги, недоступные широким массам читателей.

И вот *Форель* задался целью заполнить пробел и издать на основании своих многолетних наблюдений над душевно и перво-больными серьезную, об'ективную, сексуально не возбуждающую, предостерегающую от проституции и других видов сексуальной распущенности общедоступную книгу. Книга эта вышла в свет на немецком языке в 1905, на французском в 1906 г. и имела, как уже сказано, необычайный успех. Она переведена на 14 языков и пережила много изданий. Может быть книга «Сексуальный вопрос» потому так хорошо удалась автору, что сам автор в сексуальном отношении был весьма воздержан. По собственному признанию *Форель* был единственный раз в своей жизни в доме терпимости и то лишь с целью наблюдать происходящее в таких домах. За строгую половую воздержанность товарищи подшучивали над *Форелем*, называя его «der geschlechtslose Arbeiter» («бесполоый работник»).

Из других крупных произведений *Фореля* надо было бы здесь упомянуть его книгу о гипнотизме, пережившую много изданий, его книгу о психической гигиене, об органах чувств насекомых, книгу «Le monde social des fourmis» («Социальный мир муравьев») вышедшую в свет в 1921-1923 г. и т. д.

Но больше всего интересуют *Фореля*, особенно в последние годы, проблемы социальной жизни. «Бессознательный социализм» детства принимает все более определенные „сознательные“ формы, и в 1916 г. *Форель* открыто вступает в социалистическую партию.

Несмотря на то, что *Форель* перенес в 1912 г. два „удара“, которые он сам рассматривает, как тромбоз мозговых сосудов, подобно тому как это было у его матери, он ничуть не утратил ни из своей мощной энергии, ни из своей силы ума. Лишенный правильной речи и возможности публично выступать, парализованный, он упражняется в речи и в письме (пишет левой непарализованной рукой), попрежнему продолжает напряженную умственную работу, разрабатывая в различных брошюрах („La religion du Bien Social“ и т. д.),*) свою теорию социализма. Его намерение—„этиризовать“ соци-

*) См. список трудов *Фореля* в конце этой статьи.

ализм. „Социализм будет этичен, или он вовсе не будет, ибо социальный—моральный“. Таков основной принцип всякого социализма по *Форелю*. И в этом направлении *Форель* не перестает работать и по сей день.

Вот в самых коротких и основных чертах жизнь и деятельность замечательнейшего из ученых—*Августа Фореля*. Эта жизнь и деятельность чрезвычайно пестры, как пестрая личность самого *Фореля*. *Форель* затрудняется перечислить все то новое и оригинальное, что он в продолжении 67 лет своей научной работы ввел в сокровищницу науки. Достаточно указать, что он различает 11 групп „нового“:

1) Новые открытия; 2) Новые изобретения; 3) Новые описания; 4) Новые поощрения; 5) Новые наблюдения; 6) Новые эксперименты; 7) Новые комбинации мыслей; 8) Новые термины; 9) Новые различения; 10) Новые теории; 11) Новые гипотезы.

Во всех этих областях „Нового“ *Форель* творил, усердно, неутомимо творил. Его неутомимая энергия и горячий темперамент „южанина“^{**}), необычайный дар наблюдения, остроумие, глубокомыслие, отзывчивость на все человеческое, высокая нравственность, идеалы социализма воплощаются в монолитную фигуру единственного в своем роде гениального человека и ученого. Но как смотрит *Форель* на гений и гениальность? Как он воспринимает свою, осознанную им же самим гениальность?—Вот как:

„Что такое мое „Я“? Соединение соматической и душевной (мозговой!) действующих сил, составляющихся из: 1. Унаследованных инстинктивных закладок; 2. Вторичных автоматизмов, которые я приобрел в школе, в книгах, газетах, в окружающем milieu (люди и вещи), сюда следует прибавить: 3) Случайности, несчастные случаи, болезни, увечья, смерть. Остается еще 4, т.-е. моя личная работа с детства до смерти, основанная, главным образом, на „новых“ комбинациях мыслей (изобретения, открытия, эксперименты, наблюдения и т. д.). Но это „4“ поконится опять-таки на счастливой или несчастной комбинации 1, 2 и 3!! За то, чем я сделался, я должен, между прочим, наравне с муравьями благодарить и *Губера* (P. Huber), *Дарвина*, *Мейнерта* (Meunert), *Гуддена*, *Бернгейма* (Bernheim), *Франка* (Frank) в Мюнхене, *Семона* (R. Semon) и мою дорогую жену *Эмму ур. Штейнгель* (St inheil).

Что же остается для гордости, для тщеславия моего дорогого „Я“—*Ничего, абсолютно ничего!*“

Не надо думать, что *Форель* говорит так о себе из лишней скромности. *Форель*, будучи по своим убеждениям монистом и строгим материалистом, видит в гении и гениальности продукт наследственности и среды, ставит он его в полной зависимости от всевозможных счастливых и несчастных

*) В нем течет кровь ур. Южной Франции.

внутренних и внешних случайностей. А в таком случае, что остается заслугой гениального творца, если не его труд, находящийся всецело в зависимости от эндогенных и экзогенных моментов жизни? Поэтому *Форель* видит главную свою заслугу и заслугу всякого гения в труде, работе. *Форель* избрал для своего *Ex libris* латинскую истину: „*Labor omnia vincit*“, что можно перевести по-русски известной поговоркой русской народной мудрости: „Терпенье и труд—все перетрут“. *Форель* верит в силу одной только работы, животворящей работы, которая в последнем итоге при благоприятном стечении обстоятельств ведет к гению и гениальности. И еще убежден *Форель*, что гений человека достигнет невероятных высот, если человечество перестанет отравлять себя алкоголем и перестанет вести губительные для себя войны, что он еще раз недавно высказал в небольшой заметке „Эвропатология и евгеника“ в первом выпуске 4-го тома нашего архива (стр. 51).

Почетное место *Форель* также занимает в истории европатологии (о чем см. ниже статью Сегаллина „*Форель как европатолог*“), что также говорит о многогранности и разносторонности *Фореля*.

Форель естествоиспытатель, *Форель* психиатр, *Форель* социалист, наконец *Форель—человек*, которому все человеческое близко и который в своей необъятной великой душе может объять человечество, как целое, и всю жизнь работает на благо этого человечества в *действительно интернациональном, мировом масштабе*, *Форель—фигура*, которая никогда не сойдет со страниц истории человечества и будет служить светлым примером для будущих великих людей и ученых, которые должны будут повести человека к победе над его же, губящими его стихиями!

Главные научные труды *Фореля*.

Hauptarbeiten A. Forel's.

1. Observations sur les moeurs du *Solenopsis lugax*. Mitt. d. Schw. entom. gesellschaft. 1869.
2. Les fourmis de la Suisse. Mémoire de la société helvétique de sc. nat. 1874. 2 me édit. 1920.
3. Beiträge zur Kenntnis des *Thalamus opt* usw. Sitzungsberichte der K. Akad. d. Wissenschaft III abt. Bd 66 Wien. juni 1872.
4. Etudes myrmécologiques en 1875. Bulletin soc. vandoise des sc. nat XIV, 1875. et suiv. en 1879, 1884 (organes des antennes) etc.
5. Habilitations thesen, K. Hof und Universitätsbuchdruckerei München 1877.
6. Untersuchungen über die Haubenregion usw. Archiv f. Psychiatrie 1877.
7. Der Giftapparat u die Analdrüsen der Ameisen. Z. f. Wissenschaft. Zoologie Bd. 30
8. Etudes myrmécolog. en 1878; Gésier des fourmis Bull. soc. vaud. sc. nat. XV. 80. 1878.
9. Ueber die Verpuppung der Raupe des *Bombyx populi* L. Kosmos VI. Jahrg. 1882.

10. Warum, wann u wie sperrt man Menschen in Irrenanstalten ein? Geistesstörung, Gesetz, Moral u Strafanstalten. Jahresbericht des Zürchers Hilfsvereins für geistes kranke über 1884/85 erschienen.
11. Das Gedächtnis und seine abnormitäten Orell Füssli. Zürich 1885.
12. Einige hirnanatomische Betrachtungen u Ergebnisse (Neuronenlehr.). Archiv f. Psychiatrie. januar 1887.
13. Observations sur le sommeil du loir Revue de l'hipnotisme. Paris 1887. P. 313.
14. Etudes myrmécol. en 1886 (odorat topochimique; Ann. soc. ent. belge t. 30. nov 1886.
15. Der Hypnotismus, seine Bedeutung und seine Handhabung. Stuttgart. Ferd. Enke 1883 spätere Aufl. (12. 1923) mit verändertem Titel. «Der Hypnotismus oder die Suggestion und die Psychotherapie.
16. Uebergangsformen zwischen Geistesstörung und geistiger Gesundheit. Korr. Blatt f. Schw. Aerzte 1894.
17. Statuten, Règlement und I Bericht der Trinkerheilstätte Ellikon a. d. Thur. Uetli u. Cie. Zürich 1899.
18. Zur Lebensweise der Wüstengrille. Abt. d. Schw. entom. Ges. Bd. 8, H. 1. 1890.
19. Die Trinksitten. Antialkoholsekretariat, Avenue Dapples 5. Lausanne 1892.
20. Alkohol und Geistesstörung, wie № 19. 1894.
21. Die Errichtung von Trinkerasylen und deren Einfügung in die Gesetzgebung Verlag von Ch. G. Tienken, Bremerhaven 1892.
22. Bewährte Mittel zur Bekämpfung der Trinksitten. Gleicher Verlag Tienken 1892.
23. Zur Frage der Staatlichen Regulierung der Prostitution Verlag Tienken 1892.
24. Les formicoides de Madagascar. Vol XX de grandidier Paris. 1891.
25. Die bayerische Biennere Verlag Tienken Bremerhaven. Nov. 1892.
26. Les formicoides des Indes et de Ceylan, Journ. Bombay Nat. Hist. Society. Part. I—VIII 1897—1901.
27. Zum Entwurf eines Schweizerischen Irrengesetzes. Z. f. Schw. Strafrecht. 43.
28. Gehirn und Seele Verlag E. Strauss Bonn 1894; 13 Aufl. Verlag A. Kärner Leipzig 1922.
29. Der Gülttemlerorden 1891. Der neutrale GTO. 59 6 bis 1926. R. Joos-Bäschlin Sch. Bausen.
30. Quelques particularités de l'habitat des fourmis de l'Amérique tropicale. Annales soc. ent. belge T. XI p. 67. 1894.
31. Miologia centrali americana. Vol. II Formicidae London 1899—1900.
32. Bericht und Vernehmlassung der Untersuchungskommission Burghölzli über die Anklagen gegen A. Feret. Von der Sanitätsdirektion Zürich gedruckt 1897.
33. La parabiose chez les fourmis. Bull. soc. vand. sc. nat. 24. 1897.
34. Un aperçu de psychologie comparee L'Année psychologique. Paris. Alcan. 1898.
35. Die verminderte Zurechnungsfähigkeit. «Die Zukunft» v. Maxim. Harden 1890.
36. Bemerkung n über die Behandlung der Nervenkranken durch Arbeit. Z. f. Hypnotismus Bd. X. H. 4 Verlag A. Barth 1900.
37. Ueber die Zurechnungsfähigkeit des normalen Menschen. Reinhardt. München. 1904.
38. Sensation des insectes 18 7 à 1901. Rivista di Sc. biologiche Como 1900—Deutsch. Das Sinnesleben der Insekten. Reinhardt. München. 1910.
39. Ebauche sur les moeurs des fourmis de l'Amérique du Nord. Rivista etc. Como 1900.
40. Alkohol und venerische Krankheiten, Intern. Kongress gegen Alkohol, Wien 1914, Verlag M. Perles.
41. Human Perfectibility in the light of evolution «Inter. Monthly Burlington U. S. A. 1901.

42. Le rôle social de l'alcool. Lausanne 1902.
43. Crime et anomalies mentales constitutionnelles. H. Kündig. Genève. 1902. Deutsch: verbrechen usw. Reinhardt. München. 1907.
44. Hygiène der Nerven und des Geistes. Moritz. Stuttgart. 1903.—7. Aufl. 1921.
45. Der Wein ist eine gute Gabe gottes. Illustriertes Album bei A. Forcl. 1897.
46. Der Mensch u die Narkose. R. Joos--Bäschlin. Schaffhausen 1903
47. Morale hypothétique et morale humaine. F. Payot. Lausanne. 1903.
48. Fédération des sociétés vandoises d'éducation populaire. Statuts 1903. Lausanne.
49. Die Vergangenheit als Bibliothek der Zukunft. Z'schrift. „Europa“. 1905
50. Naturwissenschaft oder Köhlerglaube? Bilog. Zblatt Bd. XXV № 14. 1905.
51. Die sexuelle Frage. Verlag E. Reinhardt. München 1905. 15. aufl. 1920.
52. Einige neue Beobachtungen über Ameisen. Intern. Zool. Kongress. Bern 1904.
53. Gesammelte hirnanatomische abhandlungen. Verlag A. Reinhardt 1907.
54. Manifest der Schweizerischen Grossloge IOGI. 1906 gedruckt.
55. La blastophthorie et la mémoire du temps chez les abeilles. Paris 1906.
56. Sexuelle Etik. München 1906. Verlag Reinhardt.
57. Nova speco kaj nova Gentuomo de Formikoj. Internacia Scienca Revuo Genevo 1907.
58. Ring dich vom Pessimismus zum soliden Optimismus durch. Prakt. Wegweiser. 1907.
59. Jugend, Evolution, Kultur und Narkose; der neutrale Guttemplerorden. Reinhardt. München. 1918
60. Die Rolle der Heuchelei, der Beschränktheit und der Unwissenheit in der landläufigen Moral. Verlag Reinhardt München 1903.
61. Leben und Tod. Reinhardt München 1908
62. Comme quoi l'alcool n'est pas un aliment. Lausanne 1908.
63. Ethische und rechtliche Konflikte in Sexualleben. Reinhard. München 1909.
64. La faune xérothermique des fourmis et l'angle du Valais. Archiv de sc. phys. et nat. t. XXVIII. Genève. 1909
65. Fondation de la Société internationale de Psychologie médicale et de Psychothérapie. en 1909. L'informateur des aliénistes et des neurologistes. Paris 1910.
66. La morale en soi. Lausanne 1910.
67. Formicides austraciens. Revue Suisse de Zoologie. Geneve. 1910.
68. R. Semons Weiterentwicklung seiner Theorie über die Mneme. Arch. f. Rassen- und Gesellschaftsbiologie. Verlag Teubner. Lpzg. 1910. H. 1.
69. Kulturbestrebungen der Gegenwart. Reinhardt. München 1910.
70. Malthusianismus oder Eugenik? Verlag Reinhardt. München 1910.
71. Die Ameisen d. K. Zoologischen Museums München. K. Bayerische Akademie der Wissenschaft 1911.
72. Aperçu sur la distr. géogr. et la phylogénie des fourmis. Kongresse internat. d'entomologie 1910.
73. Fourmis nouvelles ou interessantes. Bull. Soc. vand. sc. nat. vol. 47 № 173 1911
74. Die Gebote einer sozialen Moral, Nachrichten des IOEK. 1912.
75. Volksausgabe des „Sexuellen Frage“. Verlag Reinhardt. München. 1913.
76. Ameisen aus Ostindien. Zool. Jahrbücher Jena 1913.
77. Krieg oder Völkerbund? Nachrichten des IOEK 1913.
78. Die Vereinigten Staaten der Erde. Lausanne 1914/1915.
79. Fortschritt oder Rückschritt der Kultur? „Der Arbeitsnachweis. Wien 1915.
80. Australische Ameisen v. D. E. Mjöberg. Arkiv för Zoologi Bd. 9. № 16. 1915.

81. Subjektive u induktive Selbstbeobachtung über psychische und nervöse Tätigkeit nach Hirnthrombose. Journal f. Psychologie u Neurologie. Bd. 21, 1915 und Bd. 30. 1924.
82. Die Ameisen der Schweiz analysch bearbeitet. Dübönd nr 1915
83. Der Supranationale Friede Holländische Nachrichten, Haag 1916.
84. Genug zerstört wieder aufbauen. Verlag Redman. Zürich 1916.
85. Die Organisation der Freiheit. „Die Versöhnung“. Zürich 1917.
86. La Religion du «Bien Social». Genève 1917.
87. Le monde social des fourmis. V volumes. Kündig. Genève. 1921 à 1923.
88. Die Zukunft des Strafrechtes. «Ethik der Zukunft». 1921.
89. Zur Ethik des Zukunft aus «Ethik des Zukunft». 1921.
90. La religion des Bahais. „Idée libre“ de A. Lorulot, Conflans Honoring. 1922.
91. Mensch u Ameise. Rikola Verlag. Wien 1922.
92. Warum soll man den Alkohol meiden? Gleicher Verlag 1924.
93. Philosophie populaire Ed. de l'école Ema cipé. Saumur 1924.
94. Bitte an Deutschland. Junge Republik. Hamburg 1924.
95. Der Weg zur Kultur. Anzengruber Verlag. Wien. 1924.
96. L'intelligence plastique, les automatismes secondaires etc. Bull. Soc. vand. sc. nat. 55 № 214. 1924.
97. Nécrologue de Prof. C. Emery. Bull. soc. ent. belge et vand. Vol 56, № 216.
98. Mensonge ou erreur chez l'homme normal. Bruxelles. 1925.
99. Le vrai socialisme de l'avenir. Lausanne 1925.
100. Gedanken über Zuchtwahl, aus Vererbung und Geschlechtsleben v. Dr. Fritz Dehnow u Dr. A. Forel, Fackelreiter Verlag. Hamburg 1916.

Август Форель как европатолог.

Д-ра Г. В. Сегалина.

В истории развития европатологической мысли Август Форель занимает почетное место. Его можно смело причислить к предшественникам современной европатологии.

Еще в то время, когда горячая дискуссия вокруг ломбровских идей не утихла, когда уже назревала патографическая школа Мебнуса в Германии, Форель выступил со своими 2-мя следующими небольшими статьями.

1) Ein wichtiges verhältniss d. s. genies zur geistesstörung (Zeitschrift für Hipnotismus B. X H 1).

2) Ueber Talent und denie (Zeitschr. für Hipnotism. Band X Heft 3).

По этим 2-м небольшим работам мы можем судить о взглядах Фореля на этот вопрос.

В то время как большинство авторов всю страстность своей дискуссии направили на вопрос об отношении „гениальности“ к „помешательству“, т. е. на самую личность гения, Форель, один из немногих, обратил более сугубое внимание на генетически-конституциональную сторону этого вопроса.

В своей полемике с Мебнусом Форель говорит: (в 1-й из вышеприведенных работ) „серьезное значение в вопросе о происхождении гениальной личности имеет *конституциональная наследственная психопатия*, т. е. их предрасположенность к нарушению психического равновесия и к личным ненормальностям“.

„Мы видим (говорит Форель), что в психопатических фамилиях гений, талант, душевные болезни, даже идиотизм часто чередуются друг с другом.“

Но здесь надо делать различие.

Есть много наследственно-дегенеративных фамилий, где имеются душевные заболевания, но никогда не встречаются особенно выдающиеся люди. *Но есть и такие фамилии, где гений, психоз, психопатия и талант чередуются между собой.* (Курсив наш).

Форель подчеркивает, что существует даже особая форма наследственной фамильной психопатии, которая тем особенно и отличается от других, что комбинируется с рождением гениальных и выдающихся людей (стр. 166 и 167).

Таким образом, Форель этим самым выделил предпосылки европатологической генетики великих людей и является пред-

шественником современного нашего понятия о патогенезе великих людей как о закономерном явлении.

В этом несомненная громадная заслуга Фореля как эвропатолога.

Что касается личности гениального человека как таковой, Форель говорит:

«Нет сомнения в том, что гениальный человек весьма часто подвержен нарушению психического равновесия».

Также Форель не отрицает факты сочетания гениальности с различными формами конституциональной психопатии.

Мало того, он признает особые формы психопатических состояний, которые, переплетаясь с гениальностью, служат двигательной силой этой гениальности.

Сам он приводит случай, когда он наблюдал одного такого гениального человека, страдавшего циркулярным психозом: в период маниакальных фаз он творил гениальные произведения, в меланхолических фазах — творчество прекращалось.

При вопросе об отношении гениальности с психопатическим состоянием Форель не обходит и вопроса об односторонности его гениальной одаренности, хотя узость и односторонность духовных способностей, говорит он, редко сочетаются с гениальностью.

Характерно, однако, для гения, прежде всего, высокое развитие его пластической фантазии, будь это пластичность интеллектуальной фантазии или пластичность сферы чувств. Имеются также гении и волевой энергии.

Однако, высокая квалификация и совершенство гения страдают от односторонности, в смысле односторонности развития тех или иных качеств.

Интеллектуально ограниченный гений в области искусства, бездушный и безвольный научный исследователь — есть и остается частично дефективным человеком, что отражается отрицательно на продукции его творчества. Да! Иногда даже парализует все его творчество.

Действительно великие люди суть, как правило, не всегда односторонне дефективны. Часто они освещаются таковыми потому, что по контрасту с их светлыми сторонами, другие качества кажутся более слабыми.

Так или иначе, гении с односторонне развитыми способностями существуют.

Роль психоза в творческих процессах Форель объясняет таким образом.

Пластическая фантазия гения в своих творческих процессах — комбинирования и созидания — требует неизмерного напряжения психического аппарата. Для такой повышенной работы при повышенных требованиях обычные механизмы психики недостаточны, нужны другие психомеханизмы.

Для этого, по Форелю необходима достаточно сильная степень диссоциации психики гесп. торможения соответствующих психомеханизмов.

Диссоциативная деятельность должна в этом случае повысить силу творческой продуктивности в сторону плюс, а не в сторону минус (как это мы наблюдали при патологическом состоянии диссоциативности психики у истеричных или других ослабленных субъектов).

Таким образом, допускается возможность двойной роли состояний диссоциативности.

Однако, такое теоретическое различие роли диссоциативности (в сторону плюс и в сторону минус) мы должны допустить не во всех случаях. В действительности мы должны допустить несомненное средство вышеупомянутых форм диссоциативности. Эта диссоциативность может меняться: то в сопровождении повышения продуктивной силы, то в сторону понижения, но тенденция к функциональной диссоциативности все же остается постоянной.

По мнению Фореля, существуют особые формы психопатических состояний, дающие ту или иную форму диссоциативности (или суггестивности гесп. автосуггестивности, как это мы видим при истерии), которые тесно переплетаются с гениальностью и частично могут служить двигающей силой этой гениальности.

Конечно, такая истерическая диссоциативность может быть двигателем гениальности при наличии большой энергии и силы гениальной одаренности.

«Мировая история, говорит Форель, дает нам блестящие примеры таких гениев».

Но, опять-таки, он подчеркивает: *de nihilo nihil fit*—все это хорошо при наличии гениально одаренной энергии; только при этом условии могут иметь значение вышеупомянутые состояния.

Из этих данных мы видим, что Форель еще в 1900-х годах интуитивно предвосхитил наше современное европатологическое представление гениальности и его психомеханизмов.

Прежде всего, необходимость наличия компонента одаренности—по Форелю совпадает с нашим представлением необходимости кумулятивного компонента.

Затем: необходимость состояния диссоциативности дающая возможность проявить повышенную продукцию этой энергии, а также представление Фореля о необходимости *особых форм* этой диссоциативности вполне совпадают с нашим представлением о диссоциативности компонента гениальности.

На этом основании, Фореля мы можем вполне считать крупнейшим прародителем современной европатологии.

В. С. Гриневич.

1904—1928.

26 июня 1928 г. скончался от туберкулеза легких доктор *Виктор Семенович Гриневич*. В лице д-ра Гриневича наш «Архив» потерял молодого, талантливого и многообещающего сотрудника.

Уже первые две (и, увы, последние) статьи этого молодого и чуткого ученого, напечатанные в III и IV томах «Архива гениальн. и одар.» (одна о Есенине, другая — об искусстве современной эпохи в свете психопатологии) свидетельствуют о его богатой эрудиции, о той чуткости и наблюдательности, которая необходима эвропатологу а также о развивающихся педюжинных способностях молодого автора.

К сожалению, беспощадная смерть скосила столь ценного и нужного нам ученого, прежде чем он успел развить свой талант и дать нам то, чем он действительно мог обогатить нашу науку и наш «Архив».

Мир праху твоему!

CORRIGENDA

к книге д-ра И. Б. Галант, психозы в творчестве
Максима Горького. „Арх. Ген. и Одар.“ Т. IV, вып. 2.
Стр. 1—112.

Стран.	Стр.	сверху вниз	Напечатано	Следует читать
3	„ 13		Plant	Plant
5	„ 1	снизу вверх	сознательной	сознательней
8	„ 8	сверху вниз	высшего	внешнего
10	„ 14	„ „	l'insatiable	l'insatiable
10	„ 21	„ „	алкоголицизма	алкоголициноза
12	„ 9	снизу вверх	галлюцинизма	галлюциноза
20	„ 21	„ „	О. Е. Рыбаков	Ф. Е. Рыбаков
21	„ 20	сверху вниз	Polynenritica	Polynneuritica
21	„ 30	„ „	галлюцинирует	галлюцинирует
33	„ 2	снизу вверх	припадках	приступах
34	„ 18	„ „	заболеваний	состояний
48	„ 20	сверху вниз	припадка	приступа
49	„ 11	снизу вверх	галлюцинирующий герой	галлюцинируем го героя
53	„ 4	„ „	имеет	имеем
55	„ 2	сверху вниз	ринованного	маринованного
57	„ 8	„ „	письма то и горит	письма-то и горит
63	„ 7	снизу вверх	головую	гол всю
64	„ 2	сверху вниз	упираю	упираюсь
72	„ 19	снизу вверх	обжора	ожора
82	„ 9	сверху вниз	В главе пассивной	В главе о пассивной
82	„ 15	„ „	восхищались	восхищался
92	„ 6	„ „	сем	семь
92	„ 24	„ „	солсмою	смолой
93	„ 18	„ „	этнологни	эти логины

